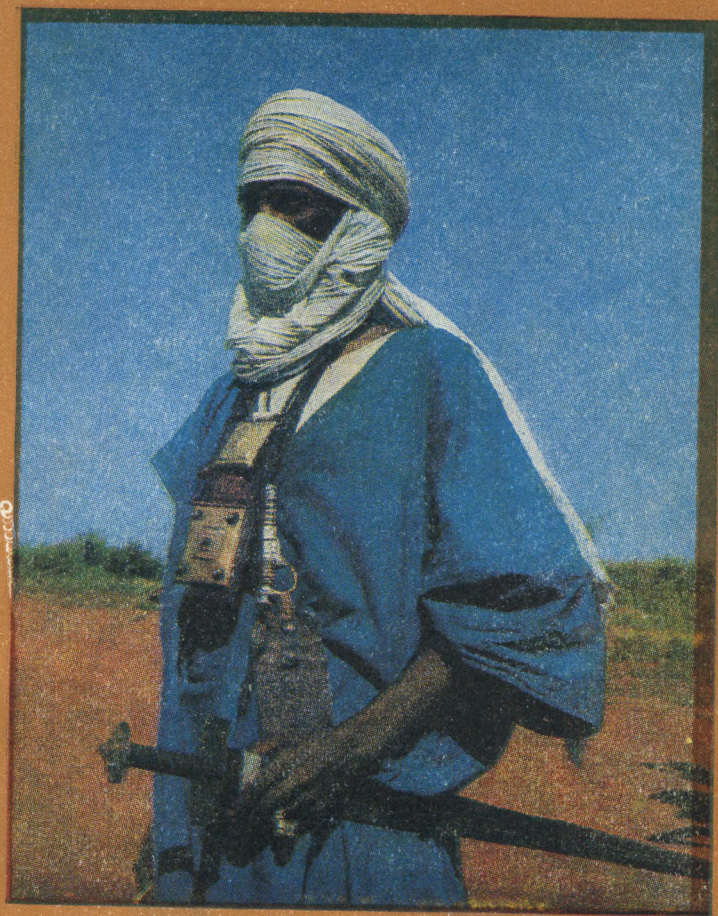




Ольгерд Будревич



Ольгерд Будревич

# ЭТА ПРОКЛЯТАЯ ЗАСУХА

60 к.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



*Ольгерд Будревич*

---

# ЭТА ПРОКЛЯТАЯ ЗАСУХА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
МОСКВА 1985

*Olgierd Budrewicz*  
Ta przeklęta susza  
Iskry, Warszawa, 1977

Редакционная коллегия  
*К. В. Малаховский* (председатель), *Л. Б. Алаев*,  
*А. Б. Давидсон*, *Н. Б. Зубков*, *Г. Г. Котовский*,  
*Р. Г. Ланда*, *Н. А. Симония*

Сокращенный перевод с польского  
*Д. С. Гальпериной*

Ответственный редактор,  
автор послесловия и примечаний  
*Э. С. Львова*

**Будревич О.**

**Б 90** Эта проклятая засуха. Пер. с польск. Д. С. Гальпериной. Послел. и примеч. Э. С. Львова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

94 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Польский журналист рассказывает о своей поездке по странам Африки (Чад, Нигер, Буркина Фасо, Мали, Мавритания, Сенегал). Книга повествует об одном из величайших бедствий XX века — засухе и голоде, унесших миллионы человеческих жизней, — об экономических, социальных и политических катаклизмах, потрясших Африканский континент. Она показывает и сегодняшний день Африки, говорит и о планах на будущее.

**Б** 1905020000-016  
013(02)-85 197-85

**ББКл8(6)**

© Olgierd Budrewicz, 1977.

Перевод, послесловие и примечания:

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.



## ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

---

Люди совершают путешествия к великим озерам, к горным вершинам и орлиным гнездам, по местам героических сражений и недавних войн, они бродят по дорогам своей юности, ищут сокровища мировой культуры... Но разве можно сознательно и целенаправленно идти по дорогам голода?

Я поехал в Африку, чтобы своими глазами увидеть последствия одного из величайших стихийных бедствий XX века, понять, как и в каких масштабах было организовано спасение людей, а главное — каким образом человечество, жители Земли помогают своим погибающим собратьям. Мое путешествие, во время которого я пересек пояс голода и смерти — от Чада, Нигера, Верхней Вольты (с августа 1984 г. — Буркина Фасо. — *Ред.*) и Мали до Сенегала и Мавритании, — длилось около трех месяцев. Какие экзотические страны, какие интересные и малоизученные уголки Земли! При нормальных условиях оттуда можно было бы привезти богатейший и увлекательнейший материал для книги о Черной Африке. Но я искал другого: мне нужна была правда о подробностях катаклизма и обо всех его экономических, социальных и политических последствиях.

Сколько людей умерло от голода и болезней в Сахеле — странах, граничащих с Сахарой? Называют разные цифры: пять миллионов, иногда больше... Но дело не только в цифрах. Трагедия заключается не только в количестве жертв. Дело в том, что в этом районе земного шара колебались сами основы жизни — обнажились анахронизмы, пошатнулись феодальная и колониальная системы, рухнули пирамиды социальных и экономических несообразностей.

Некоторые специалисты и наблюдатели считают, что страны Сахеля и Эфиопия не имеют никаких шансов оправиться от засухи, которая обрушилась на них после

столетий нищего существования и безнадежной борьбы с природой.

Были благородные порывы и горячие воззвания, но в целом можно сказать, что мир не слишком активно откликнулся на африканскую трагедию. Как писала французская «Орор» («Заря»), «только из-за отсутствия дождей мир заинтересовался, да и то ненадолго, медленным умиранием многих стран».

Хотя в некоторых (не во всех) странах Сахеля в конце концов прошли дожди, предшествовавшие им пять-семь лет страшной засухи оставили после себя глубокую, незаживающую рану. На огромном пространстве между Красным морем и Атлантическим океаном воцарилась глубокая тишина — кажется, сама природа затаила дыхание в ожидании того, что принесет будущее.

Я искренне рад выходу в свет этой книги в СССР. Если не считать отдельных корреспонденций, время от времени появлявшихся в советской печати, — это мой дебют. Журналистский и писательский. Разумеется, в вашей стране, потому что на родине у себя вышло 25 моих книг.

Путешествия в разные страны за последние четверть века стали весьма важной составной частью моей профессии. Вот и сейчас я пишу эти строки по возвращении из своего второго чрезвычайно увлекательного путешествия по Сибири. С подробностями этой поездки я намерен вскоре познакомить читателей своей страны.

Рассказ о путешествии по странам Сахеля — одном из самых драматических — относится к концу 70-х гг. Однако, как это ни трагично, он сохранил свою злободневность и сегодня: катастрофа засухи в Сахеле продолжается, а в последнее время она распространилась и на другие районы Африканского континента.

*Сентябрь 1984 г.*

## ЧАД

---

### Затерявшиеся в Чаде

Как-то один политический деятель сказал: «Тот, кто держит в своих руках Чад, держит в руках всю Африку». В чьих же руках находится Чад?

Из всех государств Черного континента Чад более всего изолирован от остального мира. Страшная засуха и голод произвели здесь колоссальные опустошения, а мир с трудом получает информацию о подробностях катастрофы. Столица республики Нджамена (бывший Форт-Лами) излучает официальный оптимизм и политическое здоровье. Но — только столица и прилегающие к ней районы. Чуть подальше, на всей территории республики, площадь которой в четыре раза превышает площадь Польши, происходят странные вещи, на которые правительство в состоянии повлиять лишь в незначительной степени. При этом Чад, пожалуй, наиболее французская страна во всей франкоязычной Африке. В Нджамене и нескольких других городах стоят французские военные гарнизоны<sup>1</sup>, в столице постоянно проживает пять тысяч европейцев (на одну тысячу больше, чем в последнем году колониального режима).

Когда я, находясь в различных странах Африки, жаловался на то, как трудно добраться до Чада, который с соседним Нигером не имеет постоянной авиасвязи, а в Хартум и обратно существует один рейс в неделю, мне всегда говорили одно и то же: «Самое лучшее — лететь через Париж».

#### 1

В первые часы пребывания в Чаде мне казалось, что вот-вот должно произойти нечто чрезвычайное. Этому, конечно, способствовало волнение, которое охватывало меня каждый раз, когда я брался за фотоаппарат: в Чаде требуется специальное (и очень дорогостоящее) разрешение, самовольное фотографирование влечет за собой штраф и арест.

Улицы Нджамены, берег реки Шари, скверы, базары, магазины, учреждения заполнены толпой, в которой обязательно имеется человек в военном или полицейском мундире. И местные жители, и иностранцы носят на голове традиционные французские кепи. На мощных БМВ проносятся мотоциклисты — члены групп безопасности.

По городу развешаны транспаранты, на которых часто повторяется слово «революция».

В день моего приезда кто-то спросил меня, слушал ли я утром по радио последние известия.

— Нет, мне это не пришло в голову.

— А жаль. Говорили о скандале с иностранными журналистами.

— Ничего себе...

— Да-да. Неприятности с одним американским журналистом, корреспондентом «Нью-Йорк таймс».

— А в чем дело?

— Он был здесь недавно и теперь высказывается против идеи американцев открыть воздушный мост из Нигера в Нджамену.

— Он прав. Ведь угрожающее положение миновало, и сейчас лучше отказаться от дорогостоящего воздушного транспорта в пользу других видов доставки продовольствия...

— Да, но журналист прошелся по адресу министров и продажных чиновников. В общем, в знак протеста Чад решил отказаться от американской помощи.

Не знаю, как сильно в США горюют по случаю отказа Чада от их помощи, но атмосфера в бывшем Форт-Лами сгущается, и это ясно каждому.

Еще эта жара, от которой не спасают даже своды главной аллеи генерала де Голля. Иссушенная столица выжженной, пустынной страны. Немногим более 150 тысяч жителей — крошечный оазис посреди песков, ничто в пустом пространстве. Во всей республике живет чуть больше четырех миллионов человек. Эти люди, потерявшиеся на огромной территории, предоставленные самим себе и целиком отданные на произвол капризов природы, стали жертвами засухи, начавшейся еще в 1965 году. Двум миллионам пришлось очень худо, тысячи умерли прежде, чем в мире узнали о засухе, пало полтора миллиона голов крупного рогатого скота, высохли колодцы, вспыхнули очаги эпидемий. Во многих районах страны, особенно на севере, усилилось партизанское движение. В префектуре Бата объявился про-



рок — некий Факи Махди, провозгласивший священную войну против всех неверных, в том числе против немусульманской администрации, которая, по его мнению, повинна в последствиях засухи.

Да, есть причины для напряженности в Нджамене!

## 2

Во главе государства с начала существования Республики Чад, то есть с 1960 года, стоит Нгарта Томбалбай<sup>2</sup>, именующий себя великим соотечественником. Он — президент, а также создатель и генеральный секретарь партии Национальное движение за культурную и социальную революцию<sup>3</sup>. Перед президентским дворцом стоят на страже гвардейцы в красных пелеринах. «Великий соотечественник» разъезжает в автомобиле с кондиционером, живет в роскоши и довольстве и охотно обращается к народу с речами, которые иной раз затягиваются на полдня. Несмотря на это — а может быть, именно поэтому, — президент недавно заявил: «Слова, а точнее, пустословие долго было народным бедствием. Не что иное, как болтовня, привело к кризису Прогрессивную партию Чада. Мы должны покончить с бесплодными разговорами и перейти к делу. Этого требует от нас революционное движение».

Томбалбай стоит во главе революции, которую он сам придумал и которую назвал «мирной» или, еще лучше, «культурной». В чем заключается эта революция и каковы ее цели, толком сказать никто не может. Но все догадываются, что речь идет о мобилизации людей, которые могли бы противостоять нарастающему недовольству, о создании некоего противовеса исламским организациям и стоящим за ними вооруженным силам сопротивления.

Человек, деятельность которого всегда отличалась консерватизмом и которого давно обвиняют в коррупции и развале государственного аппарата, государственный деятель, оставшийся у власти благодаря вызванным им французским войскам, сейчас называет себя вождем движения, пытаясь придать ему видимость прогрессивного и даже революционного.

Томбалбай ввел обязательные обращения: «соотечественник», «земляк». Его полный титул звучит так: «Великий соотечественник, председатель республики».

По всей стране возникли «комитеты бдительности».

Наряду с тринадцатью ротами солдат действует полиция. Кроме того, созданы военизированные отряды. Идет кампания по борьбе с «врагами народа». Множество людей брошено в тюрьмы. Фронт национального освобождения Чада (ФНОЧ) <sup>4</sup>, кажется, присутствует везде. Основные его действия разворачиваются в районе Тибести, однако отдельные отряды подходят порой вплотную к столице.

По сообщению органа партии Национального движения «*Canard Déchaîné*» (название этой серьезной газеты можно перевести как «Взбесившаяся утка» или «Утка, сорвавшаяся с цепи»), в Чаде идет борьба не только с партизанами, но и с «преступниками, разбойничаящими среди городского пролетариата, грабящими дома и нападающими на женщин». После того как специальная бригада порядка прочесала бары и торговые учреждения столицы, обнаруженные преступные шайки были высланы в глубь страны, где, как сообщает «Утка», «они будут своим трудом способствовать успешному проведению операции „750 000 тонн семян хлопчатника“».

«Великий соотечественник» охотно использует в своих политических целях традиционные обряды, например обряд посвящения «йондо», ставший своего рода орудием воспитания молодежи. Эта окруженная таинственностью магическая церемония осуществляется в густых зарослях, при этом людям наносятся увечья, причиняется жестокая физическая боль. Таким образом делается попытка вовлечь людей в общественную жизнь, оживить их приверженность обычаям предков и чувство этнической солидарности.

Группа высоких чиновников из Нджамены в течение трех месяцев готовилась к обряду посвящения. Выражая радость по поводу их возвращения в столицу, где «ритм работы теперь вернется к норме», «Взбесившаяся утка» пишет: «Йондо сохраняет подлинные человеческие ценности. Это высочайшее проявление цивилизации — *sargas* (наследие предков, благодать, посылаемая небесами)».

В чем тут дело, непонятно. Зато не вызывает сомнений то, чему и кому этот обряд служит.

### 3

В один прекрасный день ко всем бедам «Великого соотечественника, председателя республики» и его наро-

да добавилась засуха. «Чад терпит всякого рода бедствия. То холеру, то засуху, то наводнение. Если говорить честно, чадцы не знают, за что им хвататься», — писала «Утка».

Пока президент Томбалбай устраивает «культурную революцию», высылает войска для умирения районов, прилегающих к границам Ливии, ездит в джунгли, где принимает присягу от участников йондо, на всей территории страны люди страдают из-за отсутствия дождей, которые не идут уже несколько лет. В первой половине 1974 года бедствие усугубилось: озеро Чад, самое большое водохранилище Африки, превратилось в огромное болото. В июне этого года по нему, в северо-западной части, прошли верблюды, каждый нес на спине по 200 килограммов продовольствия. Уровень грунтовых вод понизился в некоторых районах с 30 до 150—200 метров.

А когда трагедия, вызванная многолетней засухой, достигла апогея, пошел дождь. На всей территории Сахеля небо обрушилось на землю. Люди сходили с ума от счастья, бегали под струями дождя, смеялись, кричали. Но радость продолжалась недолго: огромные пространства земли в Чаде, Нигере, Верхней Вольте, Мали и Сенегале оказались покрыты водой. Посевы были уничтожены, бесчисленные деревни унесены потоками воды, плодородные земли подверглись эрозии, и — самое страшное — оказались перерезанными дороги, по которым можно было бы доставить продовольствие в голодающие провинции. В эти дни в Чаде прозвучало одно из самых трагических сообщений: «Соотечественник Абдулай Джоноума, министр общественных работ, председатель национального комитета по борьбе с засухой, сообщил, что районы Берт Азоум, Фада и „В“ Бонгор полностью залиты водой. Ущерб исчисляется сотнями миллионов франков. В Бонгоре, где за один день выпало 450 мм осадков, вода уничтожила тысячи тонн риса. Большой участок дороги Нджамена — Сарх разрушен, цистерны и грузовики увязли в болоте». В том же коммюнике министр говорил о полном отсутствии дождей в других районах страны: «Тадиле и западная часть Майо-Кебби по-прежнему тщетно ждут дождя. На нас одновременно обрушились и засуха, и наводнение».

«Соотечественник» Джоноума предусмотрительно не коснулся политических аспектов борьбы с последствиями стихийных бедствий. Он не сказал, что во многих райо-

нах страны власти не спешат с помощью и делают это сознательно. Там либо действуют сильные отряды ФНОЧ, либо народ настроен враждебно по отношению к властям в Нджамене. Смерть следует за людьми по пятам. Говорят, что в Монго, Биткинг, Мельфи — чадском «полюсе жары» — умерла половина населения. Говорят. Проверить же подобные сведения трудно.

Со стихийными бедствиями связана еще одна тема, которая в Чаде считается запретной: транспортировка из-за границы товаров, предназначенных для спасения жертв катастрофы. Вся мировая пресса пишет о коррупции, сопровождающей доставку зерна и других продуктов в страны Сахеля. Чад в этом смысле пользуется особенно громкой славой. Американский журнал «Ньюсуик» писал в августе 1974 года: «Сотрудники ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. — *Ред.*) обнаружили, что продовольствие, посланное Чаду, застряло на границе с Нигером. Оказалось, что жене президента Чада принадлежит единственная в стране транспортная контора и что она, таким образом, держит в своих руках доставку продовольствия из-за границы, требуя двойной платы...»

Справедливости ради следует сказать, что не все представители международных организаций в Чаде подтверждают это заявление. Один из них сказал мне с улыбкой: «Почему привязались именно к жене президента? Неверно, что она держит монополию на перевозку товаров. На этом деле набивают карманы многие государственные чиновники».

Обогащение за счет человеческого горя, коррупция, воровство, расхищение продовольствия, предназначенного для жертв засухи, с одной стороны, и безобразная небрежность, в результате которой зерно и сухое молоко валяются на земле, гниют, становятся добычей крыс и насекомых,—с другой.

Когда сезон дождей к югу от Сахары кончился, оказалось, что ливни произвели огромные опустошения. Основная масса животворной влаги испарилась, ушла глубоко под землю, исчезла. Как и сотни лет назад, ее не смогли сохранить, уберечь до следующей засухи. Ближайшее будущее покажет, станут ли дожди в Африке выпадать регулярно и улучшится ли здесь продовольственное положение. На мой взгляд, и то и другое весьма сомнительно. А если люди на Земле посчитают, что засуха в странах Сахеля не повторится и что поэтому можно



прекратить помощь жителям территории, расположенной между Сенегалом и Эфиопией, это будет трагическим недоразумением.

#### 4

Еду на машине за город. По пути довольно часто опускается полицейский шлагбаум и чьи-то головы наклоняются, чтобы заглянуть внутрь.

Изредка навстречу попадают большие грузовики, груженные набитыми чем-то мешками. По обочинам бредут печальные фигуры полуодетых людей, иногда рядом тащится верблюд.

Мне сказали, что я непременно увижу слонов, которые якобы разгуливают вокруг столицы. К сожалению, ни одно животное не появилось в моем поле зрения. В Чаде вымерла большая часть представителей дикой фауны. В этой части Африки на пространстве 8 миллионов квадратных километров животные, как и люди, стали жертвами засухи.

Солнце печет, на небе ни облачка, в пейзаже преобладает желтый цвет. Кажется, что здесь вообще никогда не было дождя. Что будет дальше? Может быть, в Африке произошло необратимое изменение климата?

Ученые много спорят о нарушении ритма погоды на земном шаре. Специалисты сходятся на том, что одна из причин колебаний климатического равновесия в Африке — это опустынивание стран суданского Сахеля. Самые серьезные научные журналы утверждают, что Сахара ежегодно перемещается к югу на 30—50 километров. Это, конечно, преувеличение. Шаги пустыни, захватывающей плодородные земли и пастбища, измеряются не километрами, а сантиметрами. К тому же деструкция почв не идет сплошным фронтом, а захватывает разные районы Африки, порой удаленные от Сахары на большие расстояния. В результате там, где еще четверть века назад шумели леса, сегодня можно увидеть лишь сыпучие пески.

Что же происходит в районе Нджамены? Наконец-то есть хоть какое-то основание для оптимизма! Вдоль шоссе на протяжении многих километров поднимаются молодые деревца.

Двухлетние саженцы здесь выше человеческого роста. За четыре года посажен лес на территории три тысячи гектаров. Организация Мировая продовольственная

программа (МПП), сотрудничающая с правительством в деле восстановления качества почв по четырем важнейшим проектам, намерена насадить вокруг столицы деревья на площади 10 тысяч гектаров. Особое внимание уделяется сенегальской акации. Полагают, что она может изменить микроклимат. Местные жители взирают на все это с недоверием. Зачем им деревья? Есть-то их нельзя.

Над пока еще низкорослыми деревьями и песками летают птицы. Чем ближе к озеру Чад, тем их больше. Порой стаи, словно огромные цветные скатерти, покрывают землю, оживляя однообразный ландшафт. Но они — увы! — съедают 30 процентов (в Судане — более половины) посевов и снятого урожая. Как будто Африке без них мало бед! ФАО мобилизовала орнитологов и зоологов на борьбу с этим бедствием.

Наша машина то распугивает стаи птиц, то продирается сквозь тучи moskitov и саранчи. Господи, как больно кусаются москиты! Больше всего их около селений. Туда из-под соломенных крыш их отгоняет дым от очагов.

На окраине столицы чеканят шаг, учатся маршировать солдаты: готовятся к одному из бесчисленных парадов. Шагают на французский манер. Из ворот казармы выходят два младших офицера.

Трудно французам уходить из этой страны! Тем более что президент так трогательно просит их остаться. В годы второй мировой войны генерал Леклерк отсюда начинал свой знаменитый поход в пустыню.

Когда сегодня глядишь на французские мундиры, когда видишь в магазинах молоко, сыр и салат, привезенные на самолетах из Парижа, когда в гостинице «Ля Чадьен» (одна из самых дорогих гостиниц Сахеля, принадлежащая президенту) наблюдаешь, как веселятся в баре или плещутся в бассейне французы, когда слышишь о недавних военных операциях и существенной помощи в перестройке беспомощного и неумелого государственного аппарата, вспоминаются слова Джона Хантера из его книги «Африка изнутри»: «Не нужно обольщаться — Париж не намерен здесь отказываться от роли хозяина».

С наступлением сумерек на улицах Нджамены появляются группы полуголодных, разрисованных и намазанных жиром молодых людей. Они бьют в барабаны, самозабвенно танцуют и кричат дикими голосами. Нет

сомнения, что они находятся в состоянии наркотического опьянения. Их приветствуют из проезжающих мимо машин, бросают деньги. Это новоиспеченные участники йондо, на которых так надеется республика. 18 ноября 1974 года в «Таймс» была опубликована статья о языческой церемонии йондо, в которой принуждают участвовать граждан Чада независимо от вероисповедания и традиций. А скольких жертв стоят эти обряды! Ведь участникам церемонии делают обрезание, дают наркотики, бросают нагишом в термитники! «Многие чадцы имеют возможность выбора между вероятной смертью во время церемонии йондо и верной смертью, если от нее уклониться»,—писала «Таймс». Люди, которые осенью этого года вернулись из леса в Нджамену, перестали узнавать друзей, порвали со своим прошлым, «родились вновь». Нежелание участвовать в обряде йондо и сопротивление насильственной чадизации растет. По сообщению «Таймс», 130 протестантских священников и религиозных руководителей были подвергнуты пыткам и уничтожены.

## Спасители и спасаемые

Если бы мне предложили в списке отсталых и угнетенных стран найти место для Чада, я поставил бы его после Парагвая и Чили и перед Угандой<sup>5</sup> и Боливией. Это государство, которое отнюдь не принадлежит к числу могущественных держав мира, расположено в стороне от коммуникационных линий, страдает от тысячи различных бедствий, редко посещается иностранцами, пустынное, бедное. Зачем туда ехать? Кто может назвать какую-либо достопримечательность Чада, кроме знаменитого озера? Одни филателисты да географы знают о республике, возникшей в результате раздела Французской Экваториальной Африки. Немного познакомятся с ней и мои уважаемые читатели.

### 1

Информация о Факи Махди, который появился в Центральном Чаде, в районе Бата, и, объявив себя пророком, провозгласил священную войну против «неверных», то есть приверженцев всех религий, за исключением ислама, попала лишь в немногие газеты за преде-

лами Чада. Между тем эта история (чтобы не сказать афера — драматическая и гротескная одновременно) не только любопытна, но и типична для Чада. Впрочем, почти все в этом странном государстве кажется и драматичным, и гротескным.

В один прекрасный день какой-то человек из Бада заявил, что он — последователь и наследник Мухаммеда. Вместе с тем он выдвинул несколько религиозных лозунгов, имевших весьма определенную политическую окраску. У него сразу нашлось довольно много сторонников. «Как видно, Чад заслужил, чтобы помимо всех бед, которые на него обрушились, здесь появился еще и собственный мессия...» — комментировала это событие ведущая газета страны.

А мессия прежде всего обрушился на мусульман Чада за то, что они отклонились от пути, предначертанного пророком. Но ничего, теперь нашелся человек, готовый помочь правоверным осознать и исправить ошибки. Этот человек — он, Факи Махди. «Вы страдаете от засухи. Это одна из кар, ниспосланных вам богом. Но с моей помощью беда может скоро миновать. Снова будет расти просо. У нас будет нефть. Не уезжайте за границу, потому что страна всех прокормит», — сказал новоявленный пророк.

Факи Махди направил своих эмиссаров к султану Вадаи, к имаму Нджамены и к улемам, крупнейшим мусульманским богословам Чада. К сожалению, все эти знатные мужи не пожелали признать наследника Мухаммеда, а в его декларациях усмотрели расхождения с Кораном. Тогда Факи Махди впал в бешенство и объявил «священную войну» всему мусульманскому духовенству и крупным чиновникам. Радио Чада назвало кандидата в пророки провокатором, газеты квалифицировали его как шизофреника. Что же касается мусульманских лидеров, то они заявили, что действительно ожидают появления пророка, но произойдет это скорее всего в Мекке. Впрочем, об этом сказано в Коране.

Между прочим, все обратили внимание на речь Махди, насыщенную вульгаризмами и жаргонными словечками. Разве уважающий себя пророк, которому положено говорить аллегориями и изрекать сентенции, станет употреблять вульгарное слово «нефть»?

Наконец сам президент республики возвысил голос, заявив, что из-за Махди сложилось необычайно тревожное положение и что выступление человека из Бада ин-



спирировано «некоей политической группой», «политическими авантюристами, которые хотят подорвать единство мусульман Чада».

На время нового пророка, пожелавшего спасти Чад, кажется, утихомирили.

## 2

Есть и другие претенденты на роль спасителей Чада — неугомонные французы, выступающие в этой роли уже несколько десятков лет. Благодаря присутствию их войск был спасен президент Томбалбай, от которого его подданные давно и охотно избавились бы.

Создалась сложная ситуация: с трудом удержавшийся у власти президент при всяком удобном и неудобном случае нападает на французов, Францию, белый колониализм, империализм и прочее и прочее. Зачем он кусает руку, которая его поддерживает? А может быть, он только делает вид, что кусает? Настали времена, когда теплые чувства к колонизаторам, в том числе чувство благодарности, приходится тщательно маскировать.

Французы всегда подчеркивали особое стратегическое положение Чада. Симпатию к этой стране они объясняют несколько сентиментальным соображением: Чад был первым в Африке, кто в годы второй мировой войны официально признал генерала де Голля и «Свободную Францию». Важную роль в то время сыграл губернатор колонии, выходец с одного из островов Карибского моря Феликс Эбуэ, активно участвовавший в вербовке солдат для армии Леклерка.

Все франкоязычные страны сохранили прочную связь с бывшей метрополией. В Дакаре, Уагадугу, Ниамее, Нджамене и сейчас можно заказать в ресторане французское блюдо, искупаться в роскошном бассейне, получить номер в хорошей гостинице, купить овощи и фрукты с Ривьеры. Все это, конечно, лишь внешние признаки близких контактов с Францией (хотя в бывших британских колониях вы напрасно искали бы и таких связей с Лондоном), но они тем не менее косвенно указывают на более важные и глубокие процессы, связанные с хозяйственной жизнью, экономикой и политикой.

Однажды вечером в ресторане на террасе гостиницы «Ля Чадьен» ко мне подсел мужчина средних лет — симпатичный, веселый, весьма довольный собой и жизнью француз, торговец, владелец какого-то предприятия,

постоянный житель столицы Чада. Мы понаблюдали за тем, как плещутся в бассейне белые жители Нджамены, и потом между нами завязалась беседа.

— Вам не кажется,—начал я,—что для европейца жить в Чаде — значит медленно умирать?

— Так думают те, кто приезжает сюда ненадолго.

— Но страна так бедна, климат так ужасен... И нет уверенности, что тебе ничто не угрожает...

— Это чудесная страна. Здесь можно заработать...

— Но сколько неудобств!

— Почти дармовая прислуга, четыре раза в неделю самолет в Париж, стабильная, подлежащая обмену валюта...

— А скольких собак вешают на французов?

— Вы это воспринимаете всерьез?

— Европейцам в Африке уже не раз приходилось поспешно упаковывать чемоданы.

— Но не во франкоязычной Африке.

— Рано или поздно это может случиться. Вы спите здесь спокойно?

— Да, у меня прекрасный сон.

— Часть французских войск уже ушла, а остатки их в один прекрасный день тоже начнут эвакуироваться.

— Я уеду отсюда после них и нескоро.

Наша беседа продолжилась в ночном клубе отеля.

— Простите, как вы, собственно говоря, зарабатываете деньги?

— Выпейте еще один «гале». Прекрасное пиво, одно из лучших в Африке.

— Так как же?

— Есть тысяча возможностей заработать. Они нужны в нас.

— Они?

— Ну, чадцы.

— Вы в этом уверены?

— Вполне.

— Кто именно?

— Члены правительства, местные бизнесмены, люди с размахом, с инициативой — одним словом, элита.

— И вы им помогаете?

— Конечно. Ну хотя бы сейчас, во время голода. В семьдесят втором и семьдесят третьем годах мы дали им по пять тысяч тонн хлеба, в семьдесят четвертом году через ФАО переслали тринадцать тысяч тонн. Французы финансируют двухлетнюю программу борьбы с за-

сухой, ассигновав на это около миллиарда африканских франков.

— Все это, разумеется, безвозмездно?

— Разумеется.

— И тем не менее Чад в большом долгу у Франции?

— Все страны, подобные Чаду, живут за счет кредитов.

— Получается, что вы хорошо зарабатываете, живя среди бедняков. Вас не беспокоит соседство голодающих людей?

— Боже мой, они голодали всегда.

— Но на сей раз катастрофа исключительно велика.

— В Чаде никогда не было обычных катастроф, все они были исключительными.

На колени француза села хорошенькая негритянка, почти девочка.

— Ты меня еще любишь? — спросила она.

— Как всегда. — И, обращаясь ко мне, добавил: — Она тоже голодала. Мы ее накормили.

— И дорого вам это обходится?

— В пятьдесят раз дешевле, чем во Франции. Я ведь вам говорил: Чад — чудесная страна.

Из коридора послышался шум, взволнованные голоса: кто-то наткнулся на скорпиона.

Француз говорит что-то чрезвычайно лестное о людях, управляющих государством Чада. Как прекрасно с ними сотрудничать!

— Завтра, однако, этих людей может уже не быть.

— Скорее озеро Чад высохнет, чем они уйдут.

— Но озеро-то высыхает...

Оркестр умолк. Доносятся приглушенные выстрелы из автомата. Потом чей-то резкий крик. Наконец все смолкает, и в ушах звучит лишь монотонный шум кондиционеров.

### 3

С портретов на стенах общественных учреждений глядит на своих подданных президент государства Нгарт Томбалбай, которого некогда звали Франсуа. Взгляд его пронзителен и всеобъемлющ. Такое впечатление создается из-за необыкновенных глаз президента: один посажен значительно ниже другого, и поле зрения одного из них словно бы не зависит от второго. И все же многое в жизни и истории республики говорит об остроте зре-

ния этих внешне как будто не скорректированных глаз.

Томбалбай уже давно начал спасать свою страну. В 1946 году и позже он избирался депутатом на созданное французами Демократическое африканское собрание в Бамако. Через год возникла Прогрессивная партия Чада (ППЧ), которую возглавил Томбалбай. Когда в 1957 году был созван парламент французской Экваториальной Африки, в него было избрано 32 депутата от ППЧ, в том числе нынешний глава государства Чад<sup>6</sup>. Во время выборов в Чаде в 1959 году Томбалбай и его политическая группировка получила 72 процента голосов. В 1962 году была провозглашена независимость Чада. Во главе вновь образовавшейся республики стал Томбалбай. С первых шагов своей политической карьеры нынешний президент пользовался помощью и поддержкой Франции. Он окружил себя французскими советниками, принимал французские деньги, регулярно навещался в Париж. Несколько лет назад, когда страну душил особенно глубокий экономический кризис, Томбалбай призвал на помощь французских специалистов, которые реорганизовали административный аппарат государства и привели в порядок хозяйство. Вскоре после этого, в связи с напряженным политическим положением в стране, в Чад по приглашению президента прибыли части регулярной армии, которые участвовали в широко развернувшихся карательных операциях на севере и востоке страны, где действовали партизаны ФНОЧ.

Во время пребывания в Чаде я постоянно встречал французских солдат, наблюдал, как свободно расхаживают по столице офицеры и солдаты, прибывшие из-за Средиземного моря. Можно ли предположить, что они не знают ни о враждебных высказываниях Томбалбая, ни о поспешной ликвидации французских названий городов и улиц, ни об африканизации имен, ни о программе провозглашенной в 1973 году «культурной революции»?

В 1973 году президент разогнал ППЧ и создал организацию, призванную объединить весь народ,— партию Национальное движение за культурную и социальную революцию. В то время как французы посылали в Нджамену специалистов и деньги, а французские солдаты стреляли во врагов президента (он же — генеральный секретарь партии), радио и газеты Чада клеймили неокOLONиализм и международный империализм, выступали против западных влияний в области культуры и социальных отношений.



Следующей задачей Томбалбая, освободившего «по долгу службы» свою страну, было «нравственное и духовное обновление народа». Что это означало? Прежде всего — поддержание африканских традиций. Он призвал народ не забывать эти «подлинные ценности». На практике это выражалось в воскрешении множества таинств и мрачных обычаев африканских джунглей. Выполняя старинные обряды, все «соотечественники» должны якобы почувствовать некую метафизическую связь между собой и, кроме того, что особенно важно, постичь благотворность деяний «великого соотечественника», который со всех портретов смотрит на них своими асимметрично расположенными глазами из-под леопардовой шапочки. По сообщениям еженедельника «Таймс», множество неразумных врагов великой идеи президента уже заплатились жизнью за критические выступления и неповиновение, многие умерли во время или после «посвящения».

#### 4

Нет, ни «великий соотечественник» Нгарта Томбалбай, ни французы, ни Мухаммед, ни султаны Канема и Вадаи и прочие крупные феодалы не могут, как бы они этого ни хотели, именоваться спасителями страны. Все они, кто в большей степени, кто в меньшей, лишь терроризируют Чад, измываются над четырьмя миллионами его жителей, сосут жизненные соки из несчастного народа. Величайшим же благодетелем и одновременно жесточайшим тираном является здесь климат. А в последние годы — и такое случается в истории — климат стал настоящим палачом чадцев. Начиная с 1965 года в Чаде не прекращается катастрофическая засуха, в некоторых районах на севере страны за девять лет (включая 1974 год) не выпало ни капли дождя.

В этом районе Африки климатические условия почти никогда не были благополучными. Затяжные циклы дождей и сильных наводнений (1870—1892, 1934—1936, 1950—1964) чередовались с еще более длительной засухой (1830, 1893—1924, 1936—1947, 1965—1973). В то время как на юге страны тысячи людей и животных тонут в водах разлившихся рек, на севере тысячи погибают от безводья.

Однажды утром на берегу реки Шари меня настиг проливной дождь. За полминуты я промок до нитки. Ша-

ри, которая в последние годы несла мимо Нджамены 17 миллионов кубических метров воды ежегодно (вместо 40 миллионов по норме), взбухала на глазах. Однако через полчаса солнце вновь будто молотом било по голове, а недавний ливень ушел в область воспоминаний.

Но бывает иногда, что природа вдруг на несколько лет одарит милостью эту землю, и все — люди, животные, поля — вздыхают с облегчением, и жизнь снова озаряет своими красками эту погруженную в вечную спячку страну.

У чадской трагедии всегда были свои мародеры, которые в самые тяжкие минуты старались ухватить кусок пожирнее. Так было, например, в период засухи конца XIX века, когда в Чад приехали два француза — Раба и Фурно-Лами. Первый был большим авантюристом и крупным работоторговцем, второй — руководителем одной из главных колонизаторских миссий. Нелегко было гордым племенам Чада, сражавшимся с жестоким климатом, выдерживать гнет иноземных поработителей.

Ужасающая засуха, предшествовавшая наступлению дождей в 1974 году, охватила три четверти территории Чада. Тогда страна буквально кишела негодьями и ловкачами, пользовавшимися случаем быстро обогатиться. Транспортировка продовольствия из-за границы оказалась поистине золотonosной жилой для продажных чиновников и банды посредников, которые вывозили часть товаров (например, хлеб и сухое молоко) на тайные склады и затем продавали населению по спекулятивным ценам, организовывали реэкспорт товаров. Еще одним источником легкого обогащения была доставка продуктов в другие районы страны.

Ко всему прочему засуха используется в Чаде как орудие убийства. «Великий соотечественник» запрещает доставку продовольствия в районы, охваченные мятежами, а также туда, где население враждебно относится к правительству.

Газеты сообщают, что в некоторых деревнях на севере Чада, где в течение девяти лет не было дождей, матери отказываются брать для детей продукты: редкая и нерегулярная помощь может только продлить агонию.

Даю двум ребятишкам-нищим пачку подмоченных бисквитов. Съедают с жадностью, слюни так и текут по подбородкам. Хорошие манеры придумали люди, никогда не знавшие голода.

Под аркадами домов на Аллее генерала де Голля

(это название пока сохранилось) меня хватает за руку полицейский. Я как раз фотографирую нищего на фоне плаката, рекламирующего «культурную революцию» в Чаде. Имеете разрешение на фотографирование? Если нет, прошу следовать за мной... Я открыл было рот, чтобы объяснить и попытаться избежать ареста, как кто-то рядом со мной сказал:

— Оставь его, Жак, он со мной.

А, мой знакомый, французский торговец!

— Выпьем пива?

Охотно соглашаюсь. За бутылкой гали француз подытоживает свои впечатления от Чада.

— Законы — традиционные, конечно, — соблюдаются только на плавучих, отрезанных от мира островах озера Чад, населенных полудикими племенами будумас и курис. Жить там дьявольски трудно. Во всех прочих местах — благодать, покой, дешевая любовь. Чудесная страна!

## 5

Прошло несколько месяцев. В «чудесной стране» произошли события, которые изменили политическую обстановку к востоку от великого африканского озера.

Однажды — это случилось воскресным утром — чадская армия совершила государственный переворот. Бои продолжались несколько часов, «великий соотечественник» был убит. Во главе взбунтовавшихся войск стал генерал армии Ноэль Одингар. Правительство возглавил выпущенный из тюрьмы бывший верховный главнокомандующий чадской армией Феликс Маллум<sup>7</sup>. Так закончилось пятнадцатилетнее правление одного из самых жестоких диктаторов Черного континента.

Специалисты по этой стране утверждают, что свержению Томбалбая способствовал мятеж на севере страны, существенно подорвавший силы правительства. Незадолго до переворота президент, узнавший о заговоре в армии, приказал арестовать часть офицеров армии и некоторых полицейских, однако это ему не помогло.

Через несколько месяцев после переворота из Чада были выведены все французские войска<sup>8</sup>.

Новые правители разогнали все административные и политические организации и учреждения. Они развернули разоблачительную работу, направленную на дискредитацию действий «великого соотечественника» и его

правительства, выступили против принудительной «чадизации» и преследований немусульманского населения. Вскрылась масса скандальных дел, например расхищение государственного имущества, в котором активное участие принимали продажные чиновники из государственного аппарата.

Перед новыми «спасителями» Чада возникло множество задач. Первой, и очень нелегкой, была задача не допустить к власти людей, думающих только о быстром и незаконном обогащении. Другая задача нового правительства — добиться подлинного взаимопонимания между жителями черного юга страны и мусульманами на севере и востоке — тоже не относится к числу легкоразрешимых.

Однако самая большая трудность была старой — и это правительство столкнулось с теми же трагическими последствиями многолетней засухи.

## НИГЕР

---

### Засыплет ли их песок?

Об этой стране нельзя сказать, что она превратилась в пустыню. Она всегда была и остается пустыней. И не одна она в Сахеле. И не только в Сахеле. Песок покрывает также большую часть территории соседних государств. И все же ни в одной стране и ни в одной столице этого региона Африки, за исключением Нуакшота, столицы Мавритании, дыхание пустыни не ощущается так остро, как в Ниамее. Когда дует северный ветер, песок засыпает глаза, солнце скрывается за песчаной завесой — и день превращается в ночь.

В столице Нигера и ее окрестностях собрались тысячи голубых и черных кочевников пустыни. Их пригнали сюда страшнейшая засуха, голод и жажда. Кочевники скорее похожи на завоевателей, чем на беженцев. Они не утратили своего традиционного достоинства и гордой осанки. Их присутствие сделало Ниамей похожим на маленькую Сахару. Вспоминаются слова Сент-Экзюпери, сказавшего, что достаточно одного каравана кочевников, чтобы наэлектризовать ночь в пустыне. Действительно, когда трое закутанных до кончика носа и вооруженных мечами и кинжалами туарегов усядутся на обо-

чине дороги или проскачут верхом, в дремлющем, истомленном жарой городе возникает какое-то странное возбуждение.

Каждый пятый житель Нигера — кочевник. В основном на них, а также на кочевников Мали, Верхней Вольты и Чада, пришедших в Нигер, климат обрушил свой страшный удар. Вот они и ищут спасения в селениях и городах юга, вступая в конфликт с новым для себя окружением.

## 1

В Ниамее немногим больше ста тысяч жителей. В один прекрасный день (точнее, несколько дней) в город большими группами и поодиночке стали въезжать воины на лошадях и верблюдах. Это напоминало вооруженное вторжение. Всадники представляли передовые отряды многотысячной армии кочевников Сахары. Те, кто послабее, женщины, дети и старики шли медленно, останавливаясь по пути в специально созданных для них лагерях; чтобы не резало ухо, эти лагеря здесь называли лазаретами. Все были голодны, измучены дорогой и подавлены.

Вскоре туареги образовали в Ниамее группу наиболее низкооплачиваемых наемных работников. Многие стали ночными сторожами. Они жгли костры перед домами и виллами и неподвижно лежали в темноте, время от времени переговариваясь на своем языке<sup>9</sup>.

Палатки для жилья разбивали на окраинах города. Впервые за сотни лет рыцари пустыни, всегда наводившие ужас на Северную Африку, совершенно добровольно (если это можно так назвать) перешли к оседлому образу жизни. Они приобрели репутацию людей честных, готовых работать за самую минимальную плату.

В отличие от правительств большинства стран Сахеля власти Нигера отнеслись к проблеме кочевников весьма серьезно. Они великодушно оказали им помощь, ни к чему не принуждали и не ограничивали свободы передвижения. Тысячи людей искали спасения в этой стране. И надо сказать, что они не зря пересекали границы государств: как и несчастные жители деревень Нигера, кочевники получали помощь. Многие здесь были спасены от неминуемой смерти.

Однако настало время, когда государство не захотело — да и не могло — больше тянуть на себе тяжкий

груз помощи такой огромной массе людей. Началась кампания под девизом: «Назад, в деревни», что для кочевников означало возвращение в пустыню. Дальнейшее пребывание этих растерявшихся, утративших всякую ориентацию людей в крупных городах стало невозможным по экономическим, нравственным и психологическим соображениям. Проблема эта необычайно сложна. Кочевник может вернуться к прежнему образу жизни только при условии, если у него будет скот.

Наконец пошел дождь. Всюду стало не хватать рук для работы в поле. Правительство выдало беженцам грузовики и немного продовольствия. Волна переселенцев покатилась обратно. Но не все могли и не все хотели возвращаться. Несколько тысяч туарегов осталось в Ниаmee. Одни боялись возвращаться на север, другие — прежде всего молодежь — вообще решили навсегда забыть о пустыне. Пришлось сохранить несколько лагерей, в частности большой Лазарет II, в 40 километрах к северу от столицы — одно из трагических свидетельств стихийного бедствия в Африке.

## 2

Еду в этот лагерь на машине. За городком Филинге нужно свернуть на красную проселочную дорогу. Через несколько минут появились первые палатки из полотна и кожи. Дальше их становится все больше. Кажется, что дети вылепили сотни куличиков. В одном месте — несколько бараков, около одного из них на мачте вьется флаг Красного Креста. Есть здесь жалкие хибары из листового железа. Никакой ограды. Огромное, разбросанное среди кустарников и бурелома селение, похожее скорее на несколько десятков сбившихся в кучу негритянских деревенок, чем на лагерь. Здесь живет около 200 тысяч человек.

Самая большая проблема — вода, ее здесь нет. Сейчас между лагерем и расположенным неподалеку Хамдаллаем курсируют четыре цистерны. Они доставляют в лагерь 60 тысяч литров воды ежедневно — по три литра на человека. Достаточно для этих мест.

В лагере имеется постоянный продовольственный пункт и небольшая больница. Желавшие могут обрабатывать землю — часть полей засеяна. Школьных зданий еще нет, но юные кочевники учатся на открытом воздухе, в тени редких деревьев.

Этому лагерю дали номер — II. Прежний — лагерь I — до недавнего времени находился всего в нескольких километрах от столицы. Это перемещение якобы связано с необходимостью отдать землю владельцу, пожелавшему ее обрабатывать. А может быть, хотели изолировать беженцев от города? Ведь двух случаев холеры было бы достаточно, чтобы в Ниаmee вспыхнула эпидемия. Кроме того, власти хотели освободить город от несчастных бродяг и нищих, целыми днями околавшихся на улицах.

Весть о перемещении вызвала недовольство в лагере. «На лицах переселенцев виден страх. „Мы уже начали привыкать,—говорят они,—городская жизнь имеет свои хорошие стороны“. Кто-то сказал, что первый раз в жизни был в кино... Некоторые жители Лазарета сейчас не испытывают голода, а если испытывают, то в значительно меньшей степени, чем несколько месяцев назад. Они даже продают часть продовольствия, которое им выдают, и покупают чай и другие продукты»,—писал о тех днях ежеквартальник «Нигерама» в большом репортаже из Лазарета II.

В Ниаmee мне рассказали о туарегских девочках, ставших проститутками, об участвовавших кражах и нападениях на прохожих, о случаях сумасшествия и самоубийства среди туарегов.

Еду по нескончаемой деревне. Палатки расположены группами. У каждой группы свое название, выведенное на щитах корявыми буквами. Они чаще всего совпадают с названиями малийских городов: большинство беженцев прибыло сюда из Мали. На меня недоверчиво смотрят люди, плотно закутавшиеся в свои голубые, черные и белые одежды.

Среди деревьев, которые окружают палатки, видны солдатские мундиры. Лагерь находится под опекой армии. Есть здесь несколько европейцев: отец Арну, священник из католической миссии, два молодых врача, швейцарцы Жан-Жак и Анита Вюйемье, представители международных организаций помощи, два молодых туриста из Франции, учитель из Мали.

Один из двух французских туристов, работавших недолго в лагере, сказал мне как-то в Ниаmee:

— Кочевники, живущие в Лазарете, очень благодарны правительству Нигера и всем, кто работает в лагере... Они часто без всякой необходимости вызывают врачей, говоря, например: «Ребенок не может ходить под

дождем». Иногда обращаются с пустяковыми просьбами: отвезти в Ниамей и вечером привезти обратно и т. п. Людям нечем себя занять... Неверно, что кочевники не хотят работать. В лагере строят дорогу, но всех занять на строительстве невозможно. Нехорошо, что туареги привыкают к опеке. Полагают, что их труд можно использовать на юге страны — при лесопосадках, которые должны помешать наступлению Сахары. Все чаще туареги говорят, что никогда «туда» не вернутся и что «настоящая родина та, которая кормит».

Жители Лазарета разгуливают под редкими деревьями, сидят на клочках травы, лениво отмахиваясь от мух, с миской, ведром или котелком ждут, пока привезут еду и воду. Каждый еженедельно получает 3,5 килограмма проса, 300 граммов молока, масло, соль и сахар. Чтобы жить нормально, этого мало, но чтобы не умереть с голоду — достаточно.

### 3

Однажды вечером какой-то подросток пробрался в сад одной из вилл в предместье Ниамея. Его заметил дремавший у ворот сторож-туарег. Поднялся крик. На подмогу прибежали сторожа соседних домов. Парнишку схватили, стали бить ногами и палками. Проходившие мимо европейцы с трудом остановили экзекуцию.

Среди случайных свидетелей происшествия были молодой учитель-француз, несколько лет проработавший среди кочевников к северу от Агадеса и немного знавший берберский язык, и я. Учитель разговорился со сторожами. Сначала — о недавнем инциденте, потом перешли на другие темы.

Вот что рассказали туареги. Они живут в Ниамее один-два, а кое-кто даже три года. Делают самую несложную работу. Им доверяют. За ночные дежурства получают 8 тысяч африканских франков, или около 40 долларов в месяц, в то время как сторожа, охраняющие европейские дома, получают 12 тысяч франков.

В Ниамей туарегов привело отчаяние. Выдержав в песках четыре, даже пять лет засухи, на шестой год они сдались. Уровень грунтовых вод настолько упал, что вода стала для них совершенно недоступной. Большинство известных им колодцев высохло. И они признали себя побежденными. Их опыт и инстинкт больше ничего им не могли подсказать. В отчаяние пришли даже самые мужественные и выносливые.



Несколько недель назад в Риме хорошо осведомленный эксперт ФАО Мечислав Реклевский сказал мне:

— Кочевой образ жизни — единственно целесообразный метод эксплуатации прилегающих к пустыне районов Африки. Другие формы хозяйства, кроме кочевого, здесь непригодны. Длительное отсутствие людей на территории Сахеля, составляющей два миллиона квадратных километров, где в нормальные годы выпадает от двухсот до пятисот миллиметров осадков в год, привело бы к коренным переменам, к глубинным экономическим перестройкам. Среди этих, казалось бы, мертвых песков живет шесть миллионов кочующих пастухов и содержится около двадцати миллионов голов крупного рогатого скота. Только кочевникам удастся отыскивать травянистые участки, не слишком удаленные от источников воды. Ни один оседлый поселенец не мог бы справиться с такой ситуацией, когда есть корм для скота, но нет воды, и наоборот. Только подвижные, накопившие большой опыт племени пустыни в состоянии выходить из этого заколдованного круга.

Однако в конце концов и они капитулировали. В начале, оставив возле немногочисленных колодцев женщин, стариков и детей, мужчины двинулись со скотом на север. У оставшихся была вода, а пища кончилась, и они стали умирать с голоду.

Далеко не все добрались до Ниамея живыми, погибла и большая часть животных. А те, кто достиг столицы, оказались в чуждом для них мире, с абсурдной, по их мнению, денежной системой и с нелепыми, непонятными, суровыми и часто смешными законами.

Сент-Экзюпери писал: «...пустыня. Коран (а это всего лишь правила игры) обращает ее песни в особый, неповторимый мир. Не будь этих правил, Сахара была бы пуста, меж тем как в недрах ее незримо разыгрывается драма, бурлят людские страсти». Драмы за пределами Сахары кажутся кочевникам столь же странными, как европейцам — их жизнь.

Когда я спросил, где легче жить — в городе или в пустыне, туареги громко рассмеялись:

— Сахара — это честность, правда. Мир людей, живущих постоянно на одном месте, полон ловушек, обмана, жестокости...

Что больше всего затрудняет их жизнь здесь?

— Ох, многое... Самое неприятное, наверное, нехватка верблюжьего молока.

В Лазарете находили старых туарегских женщин, умерших от голода на мешках с просом.

Во время нашего разговора один из сторожей обратился к соплеменнику и, жестикулируя, что-то ему приказал.

— В чем дело?

— А, этот человек — невольник. Его господин приказал ему принести воды.

Сторожа имеют невольников. Старинная феодальная иерархическая система продолжает существовать, она не рухнула на пороге Ниамея.

#### 4

Смерть в Нигере обрушилась не на одних лишь кочевников. По сообщению швейцарской газеты «Нойе цюрихе цайтунг» (27 октября 1974 года), число погибших составило миллион. Больше всего жертв было среди кочевых племен туарегов и фульбе. Хотя цифры, приведенные этой весьма серьезной газетой, как и многими другими, кажутся преувеличенными, нет сомнений, что Нигер понес большие потери. Если бы не помощь всего цивилизованного мира, население Нигера едва пережило бы катастрофу.

Семь лет засухи полностью нарушили процесс вегетации растений, непоправимо ухудшили качество почв. Даже если сейчас климатические условия станут лучше, пустыня все равно будет продвигаться дальше и захватывать сельскохозяйственные районы.

Четыре пятых населения Нигера живет за счет сельского хозяйства, продуктивность которого полностью зависит от количества осадков. ФАО считает, что теперь необходимо восстанавливать качество почв посредством насаждения акации. Кроме того, требуется изменить технику обработки земли, повсюду применять искусственные удобрения, увеличить число колодцев, широко развернуть ирригационные работы. Но и при этом условии нужно переселять на юг ту часть крестьян, которая издавна вела свое хозяйство в районах, граничащих с пустыней. Это не относится к кочевникам, большинство которых, несмотря на постоянную угрозу смерти, все равно захочет вернуться в Сахару.

Не навлекут ли наука и техника, которые сейчас начинают свое шествие по этой части континента, новых, непредвиденных бедствий на страны Сахеля? «Европей-

цы то и дело приходят к нам со все новыми гениальными идеями. Мы благодарим за помощь, но к идеям относимся скептически. В XIX веке французы вырубили 2,5 миллиона гектаров леса к югу от Сахары под плантации земляного ореха. Результатом этого мероприятия явились впоследствии наши несчастья», — сказал мне один высокопоставленный чиновник в Ниамее.

Во второй половине 1974 года в этом регионе прошли более обильные, чем в предыдущие годы, дожди. В Европе спало напряжение, совесть европейцев успокоилась. В Сахеле же они углубили последствия катастрофы, усилили голод. Многие районы, где ждали грузовиков с продовольствием, оказались отрезанными от мира. В Агадес, например, где в то время проживало 10 тысяч местных жителей и 90 тысяч беженцев, помощь могла прийти только по воздуху. Насколько это дорого, можно судить по такому примеру: французский самолет, который поднимает 10 тонн сухого молока или зерна, сжигает во время перелета 10 тонн топлива. Разве нельзя было предвидеть наступление сезона дождей и заблаговременно доставить продовольствие на грузовиках? Или решили, что дождя не будет никогда и земля вместе с людьми превратится в прах?

Один нигерский журнал в отчете об экспедиции в Бенимате, большую деревню, расположенную в 150 километрах от столицы, пишет: «Восемь военных грузовиков, каждый из которых везет три тонны сорго и проса, три большие машины с людьми, радиостанцией и запасами продовольствия и воды. Температура воздуха 45 градусов по Цельсию. По обеим сторонам дороги — выжженная земля и высохшие деревья. Грузовики скользят по песку. Экспедиция напоминает армию Леклерка, преследующую Африканский корпус. Двадцатилетние парни вынесли много тяжелого. Медалей не будет. А если испортится мотор в самом центре пустыни? Два литра воды и банка мясных консервов на шестерых. Шины лопаются одна за другой. Комары кусают немилосердно. Солнце палит. С этой войны не посылают сводок... В Бенимате люди выходят из хижин. Молчат. Не тянут рук. За шесть месяцев они не видели ни одного грузовика с продовольствием. Они съели все, что только можно. Сейчас они не кричат от радости, а неподвижно стоят в тени единственного дерева, которое каким-то чудом сохранило листву. Стоят все вместе — крестьяне, привыкшие к работе в поле, кочевники, которых они при-

ютили... Несмотря на муки голода, заставляющего расширенными зрачками неотрывно следить за мешками с продовольствием, люди сохраняют спокойное достоинство. Дележом занимается администрация из соседней префектуры. Губернатор приехал на расхлябанном пикапе, в сопровождении парнишки, который нес за ним саблю и зонт. Размер пайка заносится в специальную тетрадь. На одного человека приходится около килограмма проса. Столько усилий — ради горстки проса!»

В Ниамей приехал знаменитый колдун Баура из Багаи. Мне, к сожалению, не удалось его увидеть, но говорят, что в столице ему был оказан весьма торжественный прием. Считалось, что колдун умеет заклинать дождь. Казалось бы, после такой страшной засухи, какая свирепствовала в Нигере в последние годы, колдун должен был утратить авторитет. Ничего подобного. Он даже выступил с официальным заявлением, которое было напечатано в газете. «Сейчас из-за пренебрежения к религиозным традициям,—сказал он,—все труднее становится что-либо получить от доброго бога. Я могу попытаться, но нужно принести богу щедрую жертву. Животные же сейчас очень дороги».

Мой знакомый журналист, сотрудник «Нигерамы», совершенно серьезно уверяет, будто сам видел, как Баура успешно вызывал дождь. Будто бы в лесу, на термитнике, при безоблачном небе он совершил жертвоприношение, после чего к вечеру того же дня выпал дождь. Журналист говорит, что несколько лет назад правительство посылало заклинателю животных для жертвоприношений. В сверхъестественные возможности колдуна верят не только правительство и мой коллега из «Нигерамы», но и многие вполне просвещенные люди, в том числе европейцы. Жрецам-анимистам часто приписывается особое могущество. Даже поляки (а их в Нигере немало: польских врачей и геологов ценят в республике очень высоко), прирожденные скептики и рационалисты, склонны признавать наличие у колдунов неких таинственных возможностей.

В Ниамее душно. Солнце зашло, но земля и воздух не остывают. Наоборот, поднимается ветер, который дует сильными и горячими порывами. Собирается песчаная буря.

Старый туарег, поплотнее закутавшийся в тагельмусть (полотнище длиной несколько метров), говорит:

— Песок. Я всегда дышал им, ел его и пил. Сейчас

он все чаще добирается сюда. Это потому, что сюда пришли мы. Со временем он засыплет все.

## Три беседы о катастрофе

Я со многими беседовал в Нигере и имел возможность проверить справедливость оценок сложившейся обстановки, которые давали самые высокопоставленные лица, специалисты и простые люди. Три такие беседы мне хочется здесь привести.

### 1

Первая беседа носила характер официального интервью. Меня принял президент республики Сейни Кунче<sup>10</sup> и ответил на мои вопросы. Содержание беседы на следующий день было опубликовано на первой странице ниамейской газеты «Ле Саэль».

*Репортер:* Средства массовой информации во многих странах (в том числе Би-би-си), сообщая о положении, сложившемся в странах Сахеля в связи с засухой, подчеркивали, что новое правительство Нигера обещало организовать помощь жертвам засухи. Достаточно ли хорошо и как именно была организована эта помощь?

*Президент:* Главная задача, которую должно было решить правительство,—это как можно быстрее доставить продовольствие, поступавшее из различных стран. Грузы приходили в порты Лагоса и Котону. Мы обратились к правительствам Нигерии и Дагомеи<sup>11</sup> с просьбой помочь в транспортировке. Нам удалось подвезти продукты наиболее нуждающимся до начала дождей.

*Репортер:* В некоторых странах утверждают, что недавние дожди были скорее бедствием, чем благом.

*Президент:* В нашей стране лучше слишком много воды, чем слишком мало. Шесть лет длилась засуха, теперь пошли дожди, которые в некоторых районах в два-три раза превысили годовую норму осадков. Это вызвало немалые затруднения, однако урожай будет высоким, и уровень грунтовых вод существенно поднимется.

*Репортер:* Не исключено, что засуха в этом регионе повторится. Готов ли Нигер встретить ее, какие намечены мероприятия?

*Президент:* Правительство обратилось к народам ми-

ра с просьбой не прекращать помощь независимо от того, каким будет урожай. Мы активно сотрудничаем с международными организациями. Одновременно готовимся к широкой закупке продовольствия у крестьян в нашей стране, к его тщательному хранению. Мы приложили все усилия к тому, чтобы успешно осуществить программу мелиорации и ирригации. Необходимо значительно расширить посевы проса и риса.

*Репортер:* Можно ли считать, что длительные засухи являются причиной устойчивых перемен в социальной и экономической структуре государства?

*Президент:* Первое важное последствие засухи — перемещение населения. Это относится не только к кочевникам, но и к оседлым жителям страны. Многие территории обезлюдели, зато разрослись некоторые города и селения. Второе (это уже относится к области экономики) — огромное, более чем на пятьдесят, а местами до семидесяти-восьмидесяти процентов сокращение поголовья скота. Мы стараемся справиться с этими тяжелейшими последствиями и сделали все, чтобы помочь людям вернуться в родные места, где уже организованы пункты помощи. Такие пункты есть, например, на севере страны. Оказана денежная помощь скотоводам, благодаря которой они в какой-то степени смогут восстановить свой стада.

*Репортер:* Явилась ли засуха толчком к переходу некоторых кочевых племен на оседлый образ жизни?

*Президент:* Часть кочевников из соседних стран, например из Мали и Верхней Вольты, в поисках продовольствия пришла к нам, часть наших кочевников перекочевала за границу. Большинство этих людей уже вернулось на свои привычные места; следует подчеркнуть, что в Нигер прибыло много кочевников, которых и сейчас можно увидеть в тридцати километрах от Ниамея. Их гнал голод, а Нигер после апрельского переворота оказал существенную помощь всем, кто в ней нуждался, не делая никаких различий между племенами и народностями.

*Репортер:* Как вы, господин президент, оцениваете иностранную помощь со стороны правительств различных стран и организаций, таких, как ФАО, МПП и других? Была ли эта помощь достаточно быстрой и результативной? Справедливо ли распределялось продовольствие между отдельными государствами Африки?

*Президент:* Это была большая помощь. Без нее боль-

шинство населения Нигера оказалось бы под угрозой смерти. Государства и международные организации правильно поняли масштабы катастрофы. Трудной проблемой оказалась транспортировка продовольствия и медикаментов. Не во все районы удалось добраться до наступления дождей. Не всегда четко работал недостаточно гибкий административный аппарат. Это относится и к нам, и к странам, оказавшим нам помощь продуктами и транспортом.

*Репортер:* Неуклонно растет значение стран Африки на мировом рынке. Какова роль Нигера на международной арене и особенно в самой Африке, где он занимает важное географическое положение?

*Президент:* Нигер — это страна-посредник между Африкой франкоязычной, англоязычной и арабской. Мы — частица мусульманского мира. Нам хотелось бы, используя свое особое положение на континенте, подняться над идеологическими, политическими и языковыми различиями. Нам дорог мир, нас ждет работа по поднятию жизненного уровня народа.

*Репортер:* В Республике Нигер уже несколько лет трудится группа польских специалистов. Как вы оцениваете их деятельность? Каковы возможности и перспективы развития сотрудничества между Польшей и Нигером?

*Президент:* У нас работают польские врачи и геологи. Геологи помогли нам в разведывательных работах. С их помощью мы лучше изучили свои природные богатства. Нигер благодарен им за это. Польские врачи трудятся в нескольких больницах в разных районах страны. Я должен подчеркнуть, что они работают, не рекламируя себя и без лишнего шума. В семьдесят третьем году я был в Польше и своими глазами убедился, что эта страна достигла огромных успехов, а ведь в годы войны она понесла большие потери. Я восхищен вашей промышленностью, в особенности промышленным потенциалом Шленска. Мы могли бы многое перенять из вашего опыта в области науки и техники. Возможности для расширения наших взаимосвязей есть, и немалые. Сейчас, после событий пятнадцатого апреля семьдесят четвертого года<sup>12</sup>, пришло время выработать конкретные формы кооперации, предусмотренной предварительным нигерско-польским соглашением.

В Нигере я беседовал с географом и климатологом Ивлин Пуйоль, которая изучает причины и последствия катастрофы.

*Репортер:* Каким образом выпавшие в семьдесят четвертом году дожди изменили положение в Нигере?

*Пуйоль:* Особенно неблагоприятно сказалось на посевах неудачное распределение осадков во времени. Например, в тот период, когда просо нуждается в большом количестве влаги, с неба не упало ни капли дождя. Появились насекомые-паразиты гери-гери, пожирающие стебли и колосья. Так и идет — одна беда влечет за собой другую.

*Репортер:* Значит, не только отсутствие дождей, но и нарушение цикла стало бедой Нигера?

*Пуйоль:* Нарушилась вся метеорологическая система. Даже торнадо движется не с той стороны, откуда его всегда ждали.

*Репортер:* Много говорят о вызванном засухой переселении людей. Но ведь кочевники и раньше кочевали?

*Пуйоль:* Это верно. Но раньше они сами определяли время для перекочевов и сами выбирали направление. В последние годы все решают климатические условия. Основные потоки людей хлынули к югу, где было больше воды и где созданы центры по распределению продовольствия.

*Репортер:* Но ведь большинство кочевников уже вернулось на прежние места.

*Пуйоль:* Многие не вернулись — погибли. Иные, особенно молодежь, остались в крупных городах.

*Репортер:* Что вы думаете о попытках создать искусственный дождь в этом регионе? Ведь такие попытки делались в других местах. Может быть, это хоть временно решило бы проблему Сахеля?

*Пуйоль:* В семьдесят третьем году в Ниамее проводились эксперименты подобного рода. Это была очень дорогостоящая и не давшая нужных результатов попытка. Такие эксперименты возможны только на очень ограниченной территории.

*Репортер:* Какое мероприятие, по-вашему, могло бы улучшить климат? В состоянии ли человек вообще увеличить число осадков?

*Пуйоль:* Чтобы остановить продвижение пустыни и сохранить посевные площади, нужно прежде всего ак-



тивно заняться лесонасаждениями. За порубку деревьев следует карать так же, как за убийство людей. Нужно продумать севооборот, чтобы добиться хотя бы частичной независимости от капризов погоды.

*Репортер:* Река Нигер — источник жизни населения этого района Африки. Полностью ли используются ее возможности?

*Пуйоль:* Пройдет много лет, прежде чем люди научатся по-настоящему эксплуатировать Нигер, несущий свои воды на протяжении более четырех тысяч километров. А пока следовало бы построить побольше колодцев. К сожалению, точно неизвестно, велики ли запасы грунтовых вод, пополняются ли они. Часть водоносных слоев в этих краях не может быть использована, поскольку вода в них соленая.

*Репортер:* Работы хватит на много лет. А климат не ждет...

*Пуйоль:* Поэтому я думаю, что нет другого выхода, кроме переселения части жителей из тех районов, которые граничат с пустыней, на юг. Дело это нелегкое. Жителей юга может напугать приток новых поселенцев. Да и свободных пахотных земель там уже не осталось.

*Репортер:* Верно ли, что в странах Сахеля в результате засухи последних лет произошли коренные и непоправимые экологические изменения?

*Пуйоль:* К сожалению, это правда.

### 3

Андре Жиру приехал из Парижа в Нигер на три года. Он — начинающий врач. Работа в Ниамее освобождает его от воинской повинности.

Мы беседуем на террасе кафе «Риволи», расположенного по соседству с одним из новых ниамейских высотных зданий, наблюдая, как по мосту через Нигер шагают нагруженные до кончиков ушей верблюды, величественно взирающие на мир с высоты своего роста. Корабль пустыни покорно останавливается на перекрестке перед красным светофором.

Потом заглядываем в госпиталь, а оттуда заезжаем в консультацию для матерей, находящуюся в предместье Ниамея. Теперь я имею возможность узнать, как оценивает катастрофу и ее последствия врач.

*Репортер:* Что в этой стране больше всего поразило вас как врача?

**Врач:** Неуловимость границы между жизнью и смертью. Люди умирали здесь каждый день, на каждом шагу, без криков, без протеста. В госпиталь вместе с больным приходит и вся его семья. Если болен ребенок, с ним всегда находится мать. Когда умирает человек, наступает полная тишина. Все молчат. Собрав тряпье и горшки, родственники уходят молча.

**Репортер:** В результате катастрофической засухи людям стало еще больше не хватать белков, витаминов и прочих компонентов питания.

**Врач:** Отсутствие протеинов обуславливает массу заболеваний. Мне понятны местные традиции и привычки, но почему люди цепляются за них, даже если они очень вредны для здоровья, я постичь не могу. Например, матери здесь чаще всего кормят детей грудью до трех лет. Между тем во второй половине этого срока материнское молоко неполноценно. Даже медсестры в моей консультации отказываются верить, что у нас с четвертого или пятого месяца ребенка начинают кормить протертыми супами.

**Репортер:** Уменьшилась ли в результате длительной засухи и голода сопротивляемость некоторым болезням?

**Врач:** Сейчас малейшая простуда валит человека с ног. Очень легко возникает воспаление легких. Прежде действие антибиотиков было хорошим, а сейчас уже встречаются случаи нечувствительности к пенициллину.

**Репортер:** А малярия?

**Врач:** В период засухи малярией болеют немного меньше. Вообще же малярия — одно из бедствий этого региона. Мы встречаемся здесь со многими ее видами. Есть вид, который вызывает подъем температуры до 42 градусов и дает осложнения на мозг. Нам постоянно не хватает противомаларийных препаратов. Сто таблеток — один доллар. Слишком дорого для здешних бедняков. Если можем, даем таблетки бесплатно. К сожалению, люди здесь не принимают лекарства регулярно. У меня был случай, когда мать скормила ребенку сразу целую коробку таблеток. В Европе до сих пор не представляют себе, как много жителей Африки умирает от малярии.

**Репортер:** Наверное, врачу приходится быть еще и педагогом?

**Врач:** Педагогическая сторона нашей работы требует особого внимания и сил. Трудно внушить людям, что им необходимо изменить режим питания. Почти невозможно

приучить к гигиене — никто не в состоянии понять связь между обычаем есть на земле и болезнью.

*Репортер:* С какими заболеваниями вам приходится иметь дело сейчас?

*Врач:* Кроме малярии часто бывают желудочные кровотечения, приводящие к обезвоживанию, и амёбиаз. Многие дети болеют корью с опасными для жизни осложнениями. Здесь распространена также серповидная анемия, которая характерна в основном для бассейна Средиземного моря.

*Репортер:* Здешние заболевания и способы их лечения отличаются от европейских. Что составляет главную трудность в вашей работе?

*Врач:* Больше всего меня угнетают толпы людей осаждающие кабинет, заполняющие залы ожидания, коридоры и даже улицы. Госпиталь всегда переполнен пациенты лежат на полу, на земле. Вы можете здесь увидеть на полу ребенка с капельницей. Ежедневно умирает трое-пятеро детей. Через консультацию в день проходит триста-четырееста пациентов. Я лично каждый день принимаю по сотне больных. Таких консультаций в Ниамее пять, и все они переполнены.

*Репортер:* Вернемся к вашей педагогической функции. Чему вы учите прежде всего?

*Врач:* Мы показываем способы приготовления пищи. Начинаем с азов. Объясняем, почему нужно брать пищу ложкой с тарелки, а не руками прямо с земли. Учим мыть и варить овощи и фрукты. Внушаем, что необходимо спать под москитной сеткой.

*Репортер:* Научились ли вы спокойно реагировать на все здешние драмы?

*Врач:* Нет, я каждый день прихожу домой разбитым. Нельзя спокойно смотреть на трехлетнего ребенка, который весит четыре килограмма. Это — живые трупы. Случается, что мне приносят для осмотра мертвого ребенка.

*Репортер:* Верите ли вы в возможность скорого улучшения здоровья жителей этой страны?

*Врач:* Если катастрофа не повторится и люди вернутся в свои дома и если мы сумеем добраться до всех, самых отдаленных уголков, тогда, возможно, с годами что-то изменится.

*Репортер:* Как быстро это может произойти?

*Врач:* Не знаю... Возможно, добыча урановой руды будет своего рода стимулятором... Всем известно, какие чудеса пришли в пустыню вместе с нефтью.

## Самаритяне и шакалы

Улица Шанси — одна из центральных в Уагадугу — ведет напрямик на кладбище. Мало у кого в Уагадугу, как, впрочем, и во всей Верхней Вольте (с августа 1984 г. — Буркина Фасо. — *Ред.*), есть какая-либо перспектива на будущее. Многим не удастся попасть даже на кладбище.

Но иногда бывает, что кому-нибудь да и засветит надежда!

Прекрасные шансы на будущее были у вице-председателя Национального Комитета по вопросам засухи майора Уэдраого. Майор воровал продовольствие, предназначавшееся для голодающих. Он принадлежал к числу тех представителей власти, которые поспешно сколачивают состояния под видом помощи пострадавшим от засухи. Однако вице-председателю не удалось осуществить свою мечту. Он был арестован вместе с тридцатью другими деятелями, обвиненными в краже общественного имущества.

### 1

Толстощекого поручика Каборе я впервые увидел на экране телевизора в ресторане «Эндепанданс» («Независимость») (в Верхней Вольте есть собственный телецентр, притом работает он не на нефти, как утверждают злопыхатели, а на электричестве). Поручик говорил о том, что следует по-новому распорядиться средствами, ассигнованными для помощи жертвам засухи, об энергичных действиях армии, которая не допустит ошибок прошлого. Через два дня этот человек принял меня в своем кабинете.

Жандармский поручик Кристоф Каборе, преемник майора Уэдраого в Комитете по вопросам засухи, когда разразился скандал и виновные были арестованы, из далекой провинции был приглашен в столицу. Теперь ему предстояло заняться распределением и транспортировкой продовольствия для голодающих. Все надеялись, что он будет честен.

В зале ожидания перед кабинетом сидели трое мужчин в мундирах. Машинистка одним пальцем выстукивала какой-то текст. С кондиционера капала вода. Все молчали, время от времени глубоко вздыхая.

Человек в мундире сержанта ввел меня и моего спутника, представителя организации МПП в Верхней Вольте Пьера Кордо, в кабинет. Началась беседа, длившаяся не менее часа, во время которой обе стороны старались не затрагивать тем, связанных с недавним скандалом в комитете.

До приезда в Уагадугу поручик Каборе выполнял очень важную государственную миссию: он был ответствен за строительство дорог в северной части страны. Дороги здесь необходимы для перевозки продовольствия и лекарств в районы, пострадавшие от недавнего стихийного бедствия. К сожалению, это дело поставлено из рук вон плохо.

За спиной поручика висела карта, на которой были обозначены важные транспортные артерии. Каборе то и дело обращался к этой карте.

*Репортер:* Некоторые новые дороги ведут к границам соседних государств. Существует ли какая-либо координация работ с этими странами?

*Каборе:* Откровенно говоря, каждый действует сам по себе.

*Репортер:* Помешали ли недавние обильные дожди транспортировке продовольствия? Не разрушили ли они вновь построенных дорог?

*Каборе:* Во многих местах перевозка приостановилась. Мы изо всех сил старались спасти положение. Какую жестокую борьбу нам пришлось вести! С каким трудом мы доехали до Дори! Но в одном месте дорога оказалась полностью блокирована. Автомобили тонули в грязи. Потребовалось двенадцать часов, чтобы одолеть отрезок в сто девять километров.

*Репортер:* Я слышал, что многие селения были разрушены и немало людей погибло? Удалось ли вам сохранить продовольствие?

*Каборе:* И здесь были потери. Мы пытались строить вблизи от дорог временные склады для зерна вместимостью по шестьсот тонн.

*Репортер:* В прессе много пишут о наступлении Сахары на юг. Говорят, что пустыня поглощает ежегодно пятьдесят километров плодородной земли.

*Каборе:* Журналисты преувеличивают... Это журналистская порнография.

На письменном столе лежал цветной том «Малого Лярусса». Слова «порнография» в том новом значении, в каком оно только что было употреблено, там нет...

Не могу не коснуться опасной темы.

*Репортер:* Говорят, много товаров, предназначенных для голодающих в Верхней Вольте, попадает на черный рынок. Если это правда, то как вы с этим боретесь?

*Каборе:* Около ста человек, главным образом военные, контролируют базары и магазины. Особенно внимательно следят за тем, откуда товары. Дело это очень трудное.

Пьер Кордо был явно смущен тем, что я коснулся столь щекотливой темы. Чтобы сгладить впечатление, я из вежливости перешел на другую.

*Репортер:* Сколько лет нормальной погоды и хороших урожаев потребовалось бы Верхней Вольте, чтобы стать на ноги?

*Каборе:* Если в ближайшие годы не будет засухи, иностранные государства смогут сократить объем помощи.

Нашу беседу прервал сержант. Он сообщил, что из Дори прибыли трое военных и хотят, чтобы их немедленно приняли. Сержант при этом смотрел на нас так выразительно, что мы почувствовали себя уже по ту сторону дверей.

В машине возникает спор о коррупции. Действительно ли это очень серьезно, или пресса преувеличивает? Пьер Кордо, большую часть жизни проживший в Африке, как и толстощекий поручик, склонен считать это «журналистской порнографией». К чему поднимать столько шума вокруг нормальных явлений, существующих во всех странах континента испокон веков? Между тем министр планирования комендант Антуан Дакур, прижатый возмущенной общественностью к стенке, недавно признал, что украдено шестьдесят тонн зерна и что при распределении продуктов были допущены «некоторые нарушения». По неофициальным источникам, в течение последних двух лет на черный рынок ежемесячно попадало от двадцати до тридцати тонн зерна. На самом же деле, как мне сказал один знакомый врач, речь идет не о десятках, а о тысячах украденных тонн. Союз учителей Верхней Вольты опубликовал заявление, в котором говорится о расхитителях общественной собственности, занимающихся «людоедством по отношению к целому народу».

Обвинения сыпались на правящих страной военных и на главу правительства генерала С. Ламизана<sup>13</sup>. На улицах Уагадугу имели место открытые нападения на

офицеров, поэтому они, как сообщает «Жён Африк»<sup>14</sup>, стараются без надобности не выходить из дому. Журнал, в котором была опубликована статья, рассказывавшая о напряженном положении в Верхней Вольте, конфисковали.

Коррупция — хроническая болезнь Африки. Воровство, распространенное среди чиновников административного аппарата, затрудняет нормальное развитие стран этого континента. Недаром разложившуюся африканскую администрацию называют клептократией. Навороченные капиталы чиновники держат за границей.

Верхняя Вольта — не единственное государство, в котором засуха и голод способствовали распространению наиболее неприятных видов фауны — гиен и шакалов.

## 2

Нелегко жить в этой бедной, неразвитой, с нездоровым климатом стране. В Уагадугу еще может возникнуть иллюзия, будто республика функционирует как всякое другое государство. В городе много приличных зданий, красивых улиц. Широкий проспект Авеню де л'Эндепанданс ведет к президентскому дворцу и министерским учреждениям. Хотя и случайно, но весьма символично: Авеню де л'Эндепанданс кончается Авеню де Франс (Проспектом Франции), а рядом с президентским дворцом расположено посольство Франции. Здесь чисто, деревья поливают, автомобильное движение регулируется. Боковые улочки выглядят куда хуже. Сточные канавы издают зловоние, с крыш мазанок на вас смотрят коршуны, африканские марабу принимают посетителей на порогах домов. За городом сразу же начинается обычное для этого региона Африки запустение, мертвое пространство.

«Как они могут создать современное государство, если в стране всего два собственных архитектора, шесть врачей, двести инженеров, из которых лишь у одного законченное высшее образование?» — этот риторический вопрос задал мне господин Енсен Хёгель, под началом которого находятся все международные организации в Верхней Вольте и около ста иностранных специалистов.

По мнению господина Хёгеля, засуха в странах Сахеля имеет черты непроходящего бедствия. Он считает, что нужно как можно скорее переходить к новым формам помощи. Цитирует китайскую поговорку: «Если дашь

голодному рыбу, он проживет еще день. Если научишь его ловить рыбу — научишь жить».

Меня пригласил для беседы доктор Ибрахима Кояте, директор Межгосударственного комитета по борьбе с засухой в странах Сахеля. В Уагадугу находится резиденция этой организации, возникшей в результате подписания шестью государствами совместной конвенции. В конвенцию вошли: Верхняя Вольта, Мали, Мавритания, Нигер, Сенегал и Чад. Позднее в эту шестерку была кооптирована Гамбия. Комитет координирует совместные действия, направленные на борьбу с засухой и ее последствиями.

Доктор Кояте — малиец, один из тех немногих образованных, интеллигентных и предприимчивых людей, которых так не хватает Африке.

Признавая, что людские потери огромны, доктор, однако, согласен с теми, кто не верит, что жертвы голода исчисляются миллионами. Он считает, что еще какое-то время иностранная помощь будет необходима.

— Но не слишком долго. Люди не должны привыкать к мысли, что можно жить не работая.

— Разве такое отношение к жизни не утвердилось издавна во многих местах Африки?

— Подобное отношение может иметь место там, где земля родит сама, без особых затрат труда. Но здесь, в Сахеле, манна не падает с неба.

— Какую задачу Комитет считает первоочередной?

— Нужно что-то сделать, чтобы страны Сахеля соединить с государствами, расположенными на юге. Необходимо строить дороги между севером и югом, одновременно повышать культуру обработки земли и насаждать леса.

— Кто-то в Уагадугу сказал мне: «Сажает дерево — притягиваешь дождь».

— Есть такая поговорка, но, к сожалению, никто ею не руководствуется. Моя организация внимательно следит за тем, как проводится в жизнь алжирский проект создания «зеленой плотины». В северной части Сахары должны насадить лесную полосу двадцатикилометровой ширины и протяженностью полторы тысячи километров.

Доктор Кояте говорит о социальных последствиях катастрофы:

— Многие семьи пережили тяжелые драмы. Мужчины ушли из дому в поисках пищи или работы, многие не вернулись. У нас легион покинутых жен и детей.



Я спрашиваю о положении кочевых племен, о физическом уничтожении туарегов. Мой собеседник повторяет то, что он уже говорил представителю «Нью-Йорк таймс»:

— О политике физического уничтожения целого народа не может быть речи. Питающие особое пристрастие к экзотике иностранцы, увлекшись кочевниками, склонны раздувать слухи. Кочевники представляют для наших государств серьезную проблему. Их необходимо вовлечь в общественную жизнь, с тем чтобы они начали производить, перестав быть только потребителями.

— Может ли засуха создать подходящие условия для подобной интеграции?

— Мы должны использовать всякую возможность. Ведь речь идет об очень важном деле.

— Но если произойдет интеграция туарегов и других народов, Сахара опустеет.

— Разве это плохо? Напомню вам, что именно кочевники благодаря своему образу жизни когда-то создали Сахару<sup>15</sup>.

— Интеграция — это принудительный переход к оседлости?

— Интеграция — это прежде всего просвещение. Мы посылаем к ним учителей. Сизифов труд. Случается, ночью, когда учитель засыпает, кочевники потихоньку сворачивают палатки и уходят. Поэтому мы стали готовить учителей-туарегов. Выход один — пусть школа кочет вместе с учениками.

— Какая страна, по вашему мнению, больше всего пострадала от засухи?

— Мавритания, Чад и Нигер, большая часть территории которых покрыта песком. В Мавритании добываются железная руда и медь. Это дает ей кое-какие преимущества. В Нигере обнаружен уран, и его положение тоже может со временем улучшиться, хотя еще одной такой засухи страна, несомненно, не переживет. Тяжелее всего положение Чада. Эта страна нуждается в постоянной помощи, но продукты туда приходится везти через три государства, иногда тремя различными транспортными средствами.

На мой вопрос о коррупции доктор Кояте ответил уклончиво:

— Везде же есть на земле нечестные люди.

В конце беседы председатель Комитета — в шуточной, правда, форме — побранил мировую прессу за

склонность к преувеличениям и погоню за сенсациями. Таким образом, за каких-нибудь два дня я в четвертый раз услышал жалобы на журналистов и на их тревожные корреспонденции. Уже в дверях доктор Ибрахима Кояте сказал, что «благодаря средствам массовой информации мир узнал о катастрофе в Африке». Тем не менее у меня сложилось впечатление, что контроль, а порой и прямое вмешательство со стороны приезжающих сюда иностранных корреспондентов раздражают местных должностных лиц, которым по долгу службы приходится заниматься последствиями стихийного бедствия.

### 3

На улицах Уагадугу редко можно увидеть белого человека. Между тем их здесь не так уж и мало. При помощи автомобилей они отфильтрованы от толпы. Однако, если зайти в гостиницу «Эндепанданс», в бассейн, роскошный ресторан или ночной клуб, можно убедиться, что фильтр способен действовать и противоположным образом: здесь вы увидите одних белых. Верхняя Вольта принадлежит к числу стран, тесно связанных с Францией. Здесь полно французских советников. О них рассказывают анекдоты, например такой: правительство решило улучшить породу скота, чтобы коровы давали больше молока. С этой целью из Техаса привезли на самолете племенного бычка. Бык останавливается у кормушки и не обращает никакого внимания на кандидаток в супруги, которых ему представляют одну за другой. Не помогают ни просьбы, ни угрозы. Наконец бык выходит из себя и рывкает: «Оставьте меня в покое! Я прибыл сюда в качестве советника, а не для того, чтобы работать!»

Многое изменилось в Верхней Вольте за последние десять-пятнадцать лет. В феврале 1974 года произошел государственный переворот, в результате вся полнота власти перешла в руки военных, хотя практически они и до того находились у власти<sup>16</sup>. Новые правители разогнали Национальное собрание и отменили конституцию. Некоторое время генерал Ламизана и его люди колебались — назвать ли предстоящие перемены «революцией» или «обновлением». Остановились на последнем. Нельзя же вдруг, ни с того ни с сего, обнаружить в своем правительстве революционные элементы.

Одно кажется здесь стабильным: отношения с Францией. Политическое влияние Франции — доминирующее. Франция — главный торговый партнер Верхней Вольты.

Самые серьезные начинания, связанные с крупными капиталовложениями, такие, как освоение долин Красной, Черной и Белой Вольты, строительство сахарного завода в Банфоре, добыча марганцевой руды, осуществляются при финансовой и технической помощи Франции.

В одном из журналов политическое положение в Верхней Вольте было охарактеризовано как «напряженное» и «неопределенное». Все оппозиционные партии разогнаны, но оппозиция, в особенности профсоюзная, действует совершенно открыто. В результате аферы, получившей название «Уотергейт Вольты», правительство арестовало военных, виновных в злоупотреблениях, связанных с помощью жертвам засухи, но не заключило под стражу известных торговцев и посредников, за несколько дней ставших мультимиллионерами.

Коррупция и «клептомания» характерны не для одних иностранных советников. Это область, в которой африканские страны имеют многочисленные кадры собственных специалистов. Добавим: специалистов, не гнушающихся ничем. Можно сколотить миллионы на засухе, можно заработать на других человеческих бедах. В Верхней Вольте мне показали толстого весельчака, разбогатевшего на воровстве средств против насекомых-вредителей. Эти яды должны были распыляться в долине Вольты.

Население южных районов Верхней Вольты издавна страдает речной слепотой, переносчиком которой являются черные мухи. Вследствие этого земля во многих плодородных районах остается невозделанной, деревни пустеют, а тысячи ослепших людей бродят по дорогам и полям. Согласно некоторым подсчетам, здесь, в южной части Верхней Вольты, а также на соседних территориях Бенина, Того, Ганы и Берега Слоновой Кости речной слепотой болеет не менее миллиона человек, из них около ста тысяч целиком потеряли зрение.

Правительство Верхней Вольты старается бороться с бедствием, устранить его причины, уничтожить черную муху. Ему помогают некоторые государства Африки и Всемирная организация здравоохранения. Может быть, когда-нибудь в эти районы вернутся люди и слепота перестанет быть всеобщим бедствием.

Верхняя Вольта — преемница государств моси<sup>17</sup>. На протяжении многих веков моси не только успешно противостояли натиску мусульманских народов, но и сами

совершали на них набеги. Это были гордые, непреклонные, умные, трудолюбивые люди. «Лучше умереть, чем дать себя опозорить» — таков был их девиз. И сейчас африканцы гордятся историей государств моси и их культурой.

В конце прошлого столетия французам удалось захватить эту территорию. Старые порядки были уничтожены, традиционная общественная структура разрушена, опыт и мудрость многих поколений забыты. А взамен людям предложили новейшие достижения цивилизации. Латиноамериканский писатель Алехо Карпентьер сказал: «Естественные бедствия, страдания и опасности здесь воспринимаются как элементы господствующего порядка... Людям легче снести все, что посылает природа, чем ужасы, потрясения, холодную жестокость того, чужого им мира».

Если говорить правду, не они, не потомки моси, проложили улицу Шанси в Уагадугу. Только худшие из них способны в корыстных целях использовать возможности, какие дает столкновение их мира с тем миром, забыв девиз: «Лучше умереть, чем покрыть себя позором».

## **Акации на развалинах империи**

Недалеко от столицы полицейские гнались по шоссе за мотоциклистом. Вначале на бешеной скорости промчался низко склонившись над рулем преследуемый, через минуту — погоня: два мощных мотоцикла и джип с полицейскими, следом за ними больше десятка различных машин. Мир наполнился ревом моторов и воем сирен. Осторожно поставив у обочины машину, мы сели, оглушенные внезапным шумом.

Когда кавалькада пронеслась, мы поехали дальше по направлению к городу. Слева от дороги появился небольшой лесок, громко именуемый Булонским. Чуть позже справа засверкало озеро, которое составляет первое звено в цепи водохранилищ, разделенных тремя плотинами. С изумлением смотрю, как шоссе взбегает на плотину, через которую переливаются потоки воды. Автомобили, мотоциклы, велосипеды, прохожие движутся по этой странной дороге, которая расположена под поверхностью воды. Вода несется поперек асфальтового шоссе, после чего отвесно падает в водохранилище.

День клонится к вечеру. У плотины собралось много

народа. Люди купаются, стирают, моют машины, ловят рыбу. Вдруг издалека донесся уже знакомый нам рев, и на залитую водой плотину выскочил тот самый мотоциклист, а за ним через каких-нибудь двести метров — полицейская машина. То, что мы увидели в ближайшие две-три минуты, могло бы развлечь самого взыскательного зрителя: мчащиеся на полной скорости машины подняли фонтаны брызг и окатили прохожих с ног до головы. Толпа начала весело и громко хохотать. Люди в мокрой одежде прыгали в озеро, танцевали, пели. Спустя десять минут все стихло — одни вновь ловили рыбу, другие мыли машины. А мы отправились дальше.

## 1

Как уже было сказано, моси создали несколько раннефеодальных государств с четкой общественной организацией, продуманной структурой административного аппарата и сильной армией, руководимой талантливыми полководцами. Государство, почти равное по площади современной Польше, не только устояло перед всеми попытками иноземного вторжения, но и стало центром культуры, влияние которой распространялось на тысячи километров. Знаменитая кавалерия моси достигала Томбукту в Мали и Уалаты в Мавритании. Правителя моро-наба<sup>18</sup>, так же как египетских фараонов, приравнивали к солнцу и звездам.

Пришедший к власти в 1957 году моро-наба Кугри принадлежал к числу наиболее активных политических деятелей, требовавших независимости Верхней Вольты. Не без его участия произошло разделение Вольты и Берега Слоновой Кости, которые в годы французского владычества были единой колонией с единой администрацией<sup>19</sup>.

Обо всем этом, а также о множестве необыкновенных событий давней истории моси можно узнать из абсолютно достоверного источника — из уст бардов, которых здесь называют гриотами<sup>20</sup>. Каждое утро около дворца моро-набы они поют об истории знаменитого государства. Гриоты издавна образуют важную профессиональную и социальную группу. Благодаря им в памяти многих поколений сохранилась история Верхней Вольты.

По асфальтированной мостовой проспекта Независимости в черном лимузине едет то ли министр, получив-

ший образование в Париже, то ли сам президент, генерал Ламизана. Из глубины сада слышится бой барабанов вольтийских трубадуров, повествующих о событиях древней истории своей страны.

Журналисты, побывавшие в Верхней Вольте, много пишут о таинственных и жестоких обрядах, совершающихся в чащах африканского леса, о человеческих жертвоприношениях и т. п. Мои попытки узнать что-либо у живущих в Уагадугу европейцев ни к чему не приводили. Могу лишь сказать, что в Верхней Вольте, так же как и в Дагомее (Бенин), Чаде и Береге Слоновой Кости, происходит много вещей, которые могли бы пощекотать нервы любителей сенсаций. «Взрослые представители африканских народов принадлежат к различным тайным и явным союзам, часто требующим от своих членов полного подчинения и умения хранить тайну. Некоторые из этих союзов пользуются непонятным для окружающих особым, тайным языком», — пишет Зигмунд Коморовский в книге «Среди легенд и реальностей Африки».

Я беседую с колдуном на грязной вонючей улочке в Уагадугу. Колдун мрачен и умен. Показывает мне необыкновенные маски, в том числе маску священного крокодила. Есть у него большая коллекция амулетов, за которыми к нему ежедневно, как за лекарством в аптеку, приходят люди.

Позднее одна знакомая француженка сказала мне:

— Когда-то ничего подобного не было. Все это они придумали против нас. А может быть, лучше сказать: защищаясь от нас.

В книге «Мунту сегодня» Анджей Зайончковский пишет: «Память о древнем пантеоне богов не исчезла, однако культ их слабеет, на первый план выдвигается культ фетиша, служащего идеологическим подтверждением нового социального и экономического положения. Обретя новое божество, члены определенной территориальной общности получают чувство уверенности, нарушенное в результате огромных перемен, происшедших при жизни одного поколения».

## 2

Что не подлежит сомнению и относительно чего мнения журналистов совпадают?

Верхняя Вольта — одна из наиболее густонаселенных

стран Африки, но население ее живет не там, где условия для жизни благоприятны и земля плодородна. Они селятся в тех районах, где им меньше всего могут угрожать стихийные бедствия, измучившие их на протяжении веков: засуха, речная слепота, муха цеце. Они, разумеется, в меру своих скромных сил борются с этими бедствиями, однако предпочитают спастись бегством, переселяясь в менее опасные районы страны или эмигрируя за границу.

Порой ситуация кажется парадоксальной: кочевники с севера устремляются на юг, а охваченные тревогой жители юга, бросив свои деревеньки и поля, пускаются в странствие на север.

Моси, издавна населявшие территорию Верхней Вольты, одухотворяли силы природы, которая то и дело обрушивала на них свой гнев. Полные смирения и благоговения перед таинственными силами, они защищались от них как могли. Так было прежде. Изменилось ли что-нибудь сейчас? Едва ли. Хотя в стране уже имеются президент, конституция (временно отмененная), Национальное собрание (разогнанное) и прочие нововведения, мужчины-моси, как и пятьсот лет назад, носят на щеках два больших параллельных шрама, а в Уагадугу отправляет свои функции тридцать шестой традиционный правитель моро-наба. Старое и новое постоянно сталкиваются — не только в столице, но и во многих уголках страны.

### 3

Местность вокруг Уагадугу полностью лишена какого-либо очарования. На десятки километров тянется блекло-желтая саванна, лишь кое-где виднеются островки леса. Узкие тропинки бегут в разные стороны среди травы. Вдоль главных дорог время от времени попадаются скопления построек, именуемые деревнями, а то и городами. Основной вид жилищ в Верхней Вольте, как и в соседних странах, — глиняные островерхие хижины без окон.

Я решил своими глазами посмотреть, каким образом осуществляются лесонасаждения, предусмотренные проектом на пространстве в 50 гектаров — в районе деревни Сапоне. За лесопосадками здесь следят международные организации.

Когда-то Джон Хантер сказал об Африке, что это «континент без мостов». Территорию от побережья Сре-

диземного моря до судано-сахельской полосы я бы назвал «страной без лесов».

Мы шли через рощицу хилых акаций. Одни деревца едва достигли высоты человеческого роста, другие были чуть видны. Два года назад здесь было посажено 30 тысяч акаций. Работа эта тяжелая, кропотливая. Прежде чем сажать деревья, нужно уничтожить траву и сорняки. Молодые деревца необходимо поливать, защищать от вредителей. Всем этим в Сапоне занимается пятьдесят человек — двадцать из них трудятся за денежное вознаграждение, остальные — за продовольственный паек, который подвозят на машине из Уагадугу сотрудники МПП.

Когда глядишь на эти «великие начинания», поражает скромность потребностей. Людям нужны лишь земля и вода, поэтому они сажают лес. И для местных жителей нет ничего более важного, потому что это — жизнь.

Жителям Сапоне пообещали не трогать небольшой рощицы, расположенной около самой деревни. Это — священный лес, в котором живут очень важные добрые духи. Перед началом лесопосадок староста деревни сказал:

— Если что-нибудь случится с нашей рощей, мы вырвем с корнем ваши саженцы или пустим туда коз.

Деревенька Линогхин выглядит точно так же, как тысячи других в Верхней Вольте: редко разбросанные домики-ульи с похожими на остроконечные каски крышами, несколько загонов для скота, обнесенных заборами, где вместе с козами и баранами бегают голые ребяташки. Во дворах и в домах стоят пузатые глиняные вазы и кувшины — традиционные местные кладовые и амбары. Сколько я ни заглядывал внутрь этих хранилищ — пусто. Засуха!

В одном из дворов я попытался сфотографировать женщину, дробившую камнем зерно, но та внезапно разразилась гневным криком. Мне перевели ее слова:

— Он меня фотографирует! Отнимает мою душу! Много таких забирало мою душу, и хоть бы один прислал фотографию! Духи простили бы меня, и я была бы спасена!

Линогхин появилась недавно. Ее построили люди, бежавшие из переселенных районов. В соседней деревне живут беженцы, оставившие места, пораженные речной слепотой. Есть под Уагадугу селения кочевников, покинувших пограничные с Мали районы.



Мы спросили Робера, молодого старосту деревеньки Линогхин, хорошо ли уживаются между собой беженцы из разных концов страны.

— Люди всюду одинаковы. Бывают трудности с языком. И все. Земля, вот беда...

Если земля — беда, то земля, требующая искусственного орошения, беда вдвойне!

Недавно в районе Ку, расположенном неподалеку от города Бобо-Диуласо, построили канал длиной 15 километров, оросивший 1200 гектаров земли. Впервые в истории страны правительство решило разделить эти земли между крестьянами различных племен. Проживающие в Ку 900 семей, то есть около 10 тысяч человек, начали выращивать рис. Вот была сенсация!

— Люди у нас скорее научатся ездить на мотоцикле, чем пахать землю на волах,—с откровенной иронией сказал Робер.

— А на чем здесь пашут?

— На чем придется.

— Волон не хватает?

— Люди их боятся.

— А кто занимается коровами и баранами, которых так много в Верхней Вольте?

— Скотоводством занимаются главным образом кочевники-фульбе. Крестьяне отдают им своих животных в обмен на молоко и мясо. Каждая третья корова переходит в собственность того, кто ее пасет и доит. Две другие принадлежат владельцу, находясь под опекой.

Единственным сельскохозяйственным орудием, которым пользуются почти повсеместно, является традиционная короткая грапа. Обрабатывается лишь самый верхний слой земли. С помощью волов одна семья может обработать пять гектаров. Без волов та же семья управляет только на одном гектаре, что, к сожалению, считается нормой.

#### 4

Верхняя Вольта — сельскохозяйственная страна. Около 95 процентов населения занимается земледелием или животноводством.

— Если бы у нас было достаточно воды и техники и если бы мы умели с ней обращаться, то стали бы одним из богатейших государств этого района Африки. Люди у нас трудолюбивы, а земля хорошая,—говорит Робер,

человек для этих мест образованный, окончивший шестинедельные курсы. Должен сказать, что каждое его слово соответствует истине.

Если бы они умели... Но они не умеют! Не умеют вести хозяйство, не имеют современных орудий производства, не используют тягловых животных, не применяют искусственных удобрений, и, что хуже всего, на них то и дело обрушиваются стихийные бедствия. Вот почему они так часто эмигрируют за границу, особенно в такие страны, как Берег Слоновой Кости, Гана, Того, Сенегал. Их всюду ценят за трудолюбие и честность и охотно берут на работу на плантациях и в городах. Больше ста тысяч вольтийцев ежегодно покидают родину в поисках заработка. Часть из них через несколько лет возвращается.

Робер попросил сфотографировать его с детьми. Смешно позировал, выпятив могучую грудь и открыв в улыбке зубы. Лишь сейчас замечаю в его руке мусульманские четки. Волна ислама, хлынувшая некогда с севера на юг, докатилась и до этих мест, однако Уагадугу почти не достигла. Город защищался от чуждых верований и обычаев. Другое дело — французы. Противостоять их натиску было трудно. С их приходом традиционная социальная структура моси заколебалась.

В деревне Линогхин традиционных патриархов заменил молодой староста Робер. В этом поселении нет обособленных и огороженных крестьянских дворов, сукала, в которых жили бы большие семьи. Здесь разместилось единое сообщество, к которому принадлежат члены разных племен и семей.

А вокруг тянутся к небу молодые рощицы акаций.

## МАЛИ

---

### Люди и мухи

Бамако, с которого обычно начинается Мали для иностранцев, производит отнюдь не захватывающее впечатление. Город представляет собой огромную деревню, лишенную того, что составляет прелесть африканской деревни, зато со всеми малопривлекательными чертами большого города.

Когда я прилетел, шел сильный дождь, и улицы Бамако превратились в реки. Глубокие канавы, которые тя-

нутся вдоль тротуаров, переполнились водой, и вонючая жижа разлилась под ногами людей и колесами автомобилей.

Сколько я ни озирался в поисках приличной гостиницы, ресторана, современного официального учреждения, чистого магазина, ничего, насколько хватал глаз, обнаружить не смог. А может быть, их вообще не существовало. И тем не менее в этом нищем, грязном, но утопающем в зелени городе было что-то не просто симпатичное, но даже притягательное.

Кто-то сказал мне в самом начале моего путешествия: «В Дакаре, Уагадугу, Ниамее, Нджамене вы найдете гостиницы, рестораны, плавательные бассейны для европейцев. В Бамако ничего этого нет. И, однако, я предпочитаю запах горя в этом городе душку колониализма в других странах».

## 1

В течение нескольких дней, что я провел в Бамако, там поминутно гас свет. Дождь лил как из ведра, грохотал гром, уровень воды в Нигере непрерывно поднимался — провода были либо оборваны, либо залиты. Впрочем, перебои с электричеством случались и раньше. Не так давно было слишком сухо, Нигер превратился в ручеек воробью по колено — считали каждую каплю, было нечем умыться. Холодильники и кондиционеры не работали, да и свет зажигался дважды в день на пятнадцать минут. Для европейцев это была медленная смерть.

Наутро я решил обойти главпочтамт, лучший ресторан, модное кафе и центральный рынок. Во всех этих и других местах — грязь, тучи летающих и ползающих насекомых. И повсюду меня атаковали нищие и торговцы.

Почтамт ошарашивает каждого, кто туда заходит. Старое, покрытое пятнами сырости, разрушающееся под влиянием губительного климата здание забито людьми. Все толкаются, стараясь пробиться к окошечкам. Не без колебаний я бросил в щель черного ящика, оказавшегося почтовым, письмо. Если в подобное учреждение трудно зайти, то выйти из него невозможно: на лестницах с утра до ночи дежурят толпы нищих. На улицах за столами, расставленными под открытым небом, упражняются в искусстве писать письма специалисты: перед каждым из них сидит мужчина или женщина и диктует. Вокруг

шумно и почему-то празднично, как в Польше перед костелом после богослужения.

Базар местами таков, что не только пройти туда, но и описать невозможно. Если правда, что большинство из 2300 французов и 700 прочих иностранцев, проживающих в Бамако, покупает здесь мясо и другие продукты, то это наверняка относится к людям, лишенным элементарных представлений о гигиене питания.

Изумил меня и базар ювелиров: никогда не видел столько великолепной бижутерии, представленной столь невыгодным образом. Никогда не встречал ремесленников, создающих изумительные по красоте изделия в такой сутолке и темноте!

В гастрономах и кафе Бамако можно находиться только при условии, что кто-то дежурит у дверей. На террасе кафе «Бери» полицейский в форме толстой дубинкой разгоняет торговцев и нищих. В ресторане «Аквариум» официанты выполняют дополнительные функции — вышибал. В маленьком низком зале этого заведения тучами носятся мухи. На террасе трещат попугаи. Несмотря на жуткую жару, кондиционеры включают редко (впрочем, эти аппараты, даже когда есть ток, работают скверно). Буфет, который обслуживают старый толстый француз и пожилая, похожая на ведьму пьяная мулатка, освещается двумя керосиновыми лампами. В углу стоит проигрыватель.

Мне рассказали здесь шутку, которую, как мне кажется, можно отнести к большинству подобных заведений тропических стран.

Клиент заказывает в баре пиво. Когда ему приносят кружку, он возмущенно кричит: «В пиве муха!» Во второй раз тот же человек в том же баре вновь находит в пиве муху. Ни слова не говоря, он вылавливает ее и выбрасывает. Во время третьего посещения в пиве ничего нет. «А где же муха?» — восклицает он почти с негодованием.

К счастью, в Мали есть нечто такое, благодаря чему честные и не слишком капризные европейцы чувствуют себя хорошо, несмотря на наличие мух в пиве или супе. Они жалуются на отсутствие гигиены, но восхищаются радушием людей. Им не хватает многих промышленных товаров и продуктов, но они знают, что страна борется с отсталостью и что у нее нет намерения — в отличие от многих государств этого региона — перестраивать свое хозяйство в соответствии с проколониальной моделью.

Одна голландка, сотрудница отдела ФАО, прожившая два года в Дагомее (ныне Бенин), а сейчас третий год работающая в Мали, как-то сказала мне:

— В моей стране тротуары моют щеткой и мылом — в Бамако грязно. Но люди здесь счастливы. Люди всегда остаются людьми. Когда моя мать приехала сюда из Амстердама, в первую минуту она была потрясена. Побывав на мясном базаре, по которому ходила, зажав нос, мама расхворалась. Однако через месяц ее уже ничто не шокировало, а про базар она сказала: «В Голландии каналы тоже скверно пахнут».

## 2

Очень немногие европейцы живут в Мали ради удовольствия. Правда, сюда иногда приезжают туристы, иные даже заглядывают в легендарный Томбукту. Изредка появляются торговцы. Но большинство живущих здесь иностранцев в той или иной форме помогают населению и правительству этой страны. И делают это самоотверженно.

Положение Мали даже в лучшие времена было тяжелым. Республика принадлежит к числу слаборазвитых земледельческо-скотоводческих стран. Залежи железной руды, марганца, бокситов и фосфоритов не разрабатываются. Добывается лишь немного золота, соли и известняка. Семь лет засухи привели к тому, что трудное, но казавшееся нормальным положение превратилось в общенациональную катастрофу: производство пищевых продуктов снизилось на 40 процентов, поголовье скота сократилось более чем наполовину, десятки, а может быть, сотни тысяч людей погибли от голода и болезней.

В Мали поступили миллионы тонн продовольствия со всех концов земли. В 1974 году правительство республики попросило международные организации и крупнейшие государства прислать 350 тысяч тонн зерна. И помощь идет со всех сторон — по воде, по земле и по воздуху.

Я посетил католическую миссию в центре столицы. В длинном деревянном бараке меня принял священник. Он показал полученные сегодня по почте посылки.

— Имеет ли такая помощь какое-либо значение? Или, может быть, это лишь капля в море? — спросил я.

— По капле и море наберется, — ответил он. — Кроме того, разве важно только количество? Любое проявление доброй воли имеет значение.

О роли христианских миссий в Африке много противоречивых мнений. Я встречал людей, которые с огорчением отмечали, что миссии соперничают между собой — это относится прежде всего к протестантским миссиям и различным американским сектам, которые буквально покупают себе новых приверженцев. Их деятельность не согласована с работой международных организаций. Но есть и свидетельства того, что миссии приносят пользу. Так, одна из католических миссий проводит в жизнь свой собственный пятилетний план, который предусматривает вырыть в Мали 150 колодцев.

В отличие от жителей некоторых африканских стран малийцы не питают неприязни к иностранцам. Их помощь они рассматривают не как милостыню, а как проявление международной солидарности. Жаль только, что порой они считают ее непреложной обязанностью и чересчур настойчиво требуют.

Оказание помощи жертвам засухи и голода не всегда проходит гладко. Так, в 1974 году транспортные издержки возросли на 47 процентов; перевозка одной тонны сорго из порта Абиджан до города Сегу в Мали обходится в 82 доллара; за перевозку десяти тысяч тонн зерна из Дакара организация МПП заплатила в 1973 году 430 тысяч долларов — сейчас об этом говорят: «почти даром». Перевозки внутри страны и распределение продовольствия находятся в ведении местных властей, деятельность которых не может считаться образцом четкости. Кроме того, в Бамако много говорят о злоупотреблениях, связанных с распределением товаров, поступивших из-за границы. Роскошные виллы, построенные кое-кем из малийских сановников, называют «дворцами засухи». Я видел некоторые из них. На здешнее не слишком высокое жалованье (крупный местный чиновник зарабатывает в месяц 70 тысяч малийских франков, или 150 долларов; иностранный технический советник — 450 тысяч) построить подобный особняк невозможно.

Мали борется с миллионами трудностей. Свергнутый в результате военного переворота 1968 года Модибо Кейта провел ряд реформ социалистического порядка, построил более десятка небольших промышленных предприятий, например цементный завод, маслобойню, фабрики по производству сигарет и спичек. Военный комитет национального освобождения (ВКНО) под председательством Муса Траоре<sup>21</sup> пытался каким-то образом

сочетать социалистическую модель государства с концессиями капиталистам. Ничего хорошего из этого не получилось. Шестой трехлетний план по капитальному строительству был выполнен всего на 70 процентов.

Остро дает о себе знать нехватка многих товаров на внутреннем рынке. В местной больнице, например, даже бинты и спирт больные вынуждены покупать сами. Человек, сломавший ногу, если хочет, чтобы его лечили, должен сам купить для себя гипс. Один из моих собеседников недавно попросил врача выписать ему рецепт. «С удовольствием,—сказал тот,—только принеси свою бумагу. У меня кончилась неделю назад».

В столице Мали не хватает гостиниц. А в современном отеле «Амитье», расположенном на берегу Нигера, никто не живет. Там нет квалифицированного персонала и вообще всего необходимого для функционирования подобного объекта.

### 3

В тот день, когда я отправлялся в поездку по стране, с неба опять полило. С самого утра сверкали молнии и дождь бил в стекла. В гостинице замолкли кондиционеры и ожили мухи. Чуть позже ливень прекратился, небо прояснилось, и я поехал. В моем распоряжении была самая прекрасная машина для езды по бездорожью — мощный джип; сопровождали меня бамакские представители ФАО и МПП, голландка Нелли ван Оэвер и бельгиец Антуан Бегуин.

Уже в городе я начал фотографировать. Месье Бегуин предупредил меня, что в Мали, так же как и в Чаде, делать снимки можно только по особому разрешению. Он еще не закончил фразу, как около машины (мы как раз стояли на перекрестке) вырос полицейский и вежливо потребовал документ. Ни слова не говоря, месье Бегуин достал бумагу на свое имя, в которой тушью крупными буквами было выведено, что такой-то имеет право фотографировать. Несколько минут полицейский молча стоял, вперившись в бумагу, после чего вернул ее и браво отдал честь. Я думаю, он ничего не смог прочитать. Неграмотность в Мали носит почти всеобщий характер, и некоторые полицейские не умеют читать.

Дороги за пределами Бамако почти всегда ужасны. С грохотом джип мчится по изрытому колдобинами шоссе. Лужи попадают редко. У меня в руках свежий но-

мер «Эссора», органа ВКНО, который сообщает, что до сентября 1974 года в Бамако выпало 120 процентов годовой нормы осадков, в Гао — только 50, в Томбукту — 60, в Менаке — 65, в Мопти — 85 процентов. Дорога суше, чем можно было бы ожидать при таком количестве осадков.

Кое-как мы добрались до Уэлесебугу, расположенного в 80 километрах от столицы. Тому, что здесь происходит, стоит уделить немного внимания.

Около ста деревень этого района находится под особой опекой международных организаций, которые ведут здесь большую работу. Важную часть ее составляют попытки пробудить активность и творческие силы малийцев, привлечь их к деятельности, направленной на осуществление долгосрочной многоступенчатой программы по борьбе за здоровье и гигиену.

Кто знает, возможно, и правы те, кто говорит, что длительная безвозмездная помощь продовольствием обращается «позитивным разрушением» и что в какой-то момент она должна быть приостановлена. Но ведь эта подступавшая в течение нескольких лет помощь была для Африки спасением. Нельзя забывать, что люди и животные были здесь до крайней степени истощены голодом и жаждой. «Коршуны в поле выклевывали глаза еще живым людям, коровам и собакам», — сказал староста одной деревеньки.

Представители МПП и ФАО все чаще берут на себя функции руководителей и инструкторов, отказываясь от роли нянек и кормилиц. В Мали организовано пятьдесят образцовых хозяйств. Те, кто учится правильному ведению хозяйства и точно выполняет инструкции, время от времени получают зерно, масло, рыбу. Мы как раз и были в одном из таких хозяйств, существовавших частично на кооперативных началах. Большой барак, служащий одновременно скотным двором и овинном, колодец, несколько одинаковых жилых построек, склад.

Руководит хозяйством энергичный молодой малиец Диалло, прошедший подготовку в Бамако. Люди в деревне учатся пользоваться современными орудиями, осваивают новые методы обработки земли и одновременно обучаются чтению и письму, знакомятся с основами гигиены.

В хижине, стоящей на отшибе, мы встретили девушку, выполняющую обязанности «инструктора жизни»: она объезжает на велосипеде окрестные деревни и учит



жителей буквально всему. А главное, она раздает противомаларийные таблетки и следит за тем, чтобы их принимали. Единственное, хотя и трудновыполнимое условие при подборе инструкторов — умение читать и писать. Благодаря работе девушек-инструкторов в районе Уэлесебугу полностью ликвидирована малярия. Девушки помогают и в родильном доме, которым заведует католическая миссия при содействии международных организаций. Каждая десятая женщина теперь рождает в человеческих условиях.

До смешного маленькое достижение — но такое огромное!

#### 4

На развилке дорог под одиноким деревом — несколько лотков с орешками, зерном, овощами. Тут же конусообразные кучи отбросов, облепленные гудящими мухами и другими насекомыми. На этом отвратительном мини-базаре, в липком зное неподвижно стоит несколько печальных фигур. И вдруг на обочине появляется девушка. Стройная, с чудесной длинной шеей и прямым, ясным взглядом, она идет, покачивая бедрами. Королева среди покорных судьбе многострадальных ивов!

В пути мы случайно встретили старика, которого водитель развалюхи-микроавтобуса высадил посреди дороги, потому что у того не оказалось франка оплатить проезд до Бамако. Старик был задрапирован в белые и голубые сильно испачканные ткани. Он беспрерывно ругался, метал громы и молнии в адрес водителя и всех малийцев, которые его якобы ненавидят, «как злые псы».

Мали относится к числу стран, испытывавших очень большие трудности с туарегами. В 1964 году дело дошло даже до ожесточенных боев на севере страны<sup>22</sup>.

Когда разразилась катастрофическая засуха, около трехсот кочевников оказались практически без средств к существованию, начал разрушаться традиционный образ жизни туарегов и они были вынуждены перейти к оседлому существованию за пределами их родины-пустыни.

Однако оставим этот трагический эпизод истории и вернемся к сегодняшнему дню республики. Сейчас Мали стремится искоренить пережитки колониализма и сохранить свою политическую независимость. Успешно

идет процесс «мализации» хозяйственного и административного аппарата. Много сил брошено на ликвидацию последствий засухи. Имеются успехи в борьбе с неграмотностью. Строятся школы. «Эссор» то и дело пишет о местных праздниках, во время которых «народ бурно рукоплещет новым мастерам искусства письма».

Истинным бичом Мали на протяжении веков был климат. Это он — извечный виновник большинства трагедий. Станет ли когда-нибудь лучше? Трудно ответить на этот вопрос. Староста Уэлесебугу — Диалло, вместе с которым мы попытались сделать прогноз на ближайшее будущее, философски сказал:

— Будет не слишком плохо, если прекратится засуха и пойдут нормальные дожди. Однако слишком хорошо тоже не будет, потому что, когда пойдут нормальные дожди, прилетит муха цеце.

## В Томбукту и других местах

Мали принадлежит к наименее изученным странам малоисследованной Африки. Особенно это относится к тем землям, которые входили в состав раннефеодальных империй — Гане, Мали, Масине, Сонгаи (Гао).

### 1

Это было в глубине страны — не слишком близко и не слишком далеко от столицы. За день можно добраться туда и потом обратно в Бамако. Недалеко от дороги — типичной африканской «стиральной доски», по которой можно ехать со скоростью и пять и восемьдесят километров в час, стояло несколько палаток туарегов из кусков кожи и старого тряпья. Возле них валялись домашняя утварь, мусор, полуразвалившийся велосипед. Никаких признаков верблюдов, лошадей или каких-либо других животных.

Жители этого лагеря пришли сюда с севера, гонимые ужасом и смертью. Сахара умирала, а туареги не хотели умирать вместе с ней. Часть жителей пустыни двинулась дальше на юг, а некоторых власти принудили остаться и поселиться в этих местах. Среди них были представители каст — от элиты (имхар) до рабов.

Туареги приветствовали меня не слишком шумно, но доброжелательно, потому что со мной был Рене, с которым они издавна вели какие-то, им одним известные де-

ла. Я пил сладкий чай (непрерывно три чашки) и приглядывался к серьезным лицам, сдержанным жестам, к их манере держаться. И не заметил ни подавленности, ни страха перед будущим — таким неопределенным и невеселым. А ведь они утратили почти все, сохранив лишь то, что сумели унести на себе.

Первая чашка чаю — первые вопросы. Рене переводит. Мне хочется узнать, было ли бедствие полной неожиданностью для них, или оно надвигалось постепенно. А может быть, они его предчувствовали? На вопросы отвечает мужчина средних лет. Я внимательно слушаю его бормотание сквозь закрывающий половину лица татгельмуст. Он красив, словно шейх из фильма с Марлен Дитрих. Щурит глаза, как будто в палатке дует ветер.

— Задолго до того, как случиться беде, по пустыне носились ветры. Старые пути кочевников заносило, и даже те, кто там родился, не могли найти дорогу.

Вторая чашка — в палатку протискиваются новые гости. «Мир вам», — говорят. Едва запахнет чаем — гости тут как тут, даже если на дворе поздний вечер.

— Вы решились уйти из родных мест, только когда потеряли надежду?

— Мы никогда не теряем надежды. Потому мы и существуем.

— Почему же вы ушли из пустыни?

— Бог ее оставил.

— Вернетесь?

— Мы будем жить там, где жили многие поколения наших предков.

В последнем я не уверен, поскольку в Ниамее и Бамако видел первые признаки того, что туареги привыкают к новым условиям. Некоторые из них уже переселились из палаток в прочные хижины. Мне рассказали об одном туареге, который приобрел несколько десятков коров и коз и нанял пастухов... из города. Но даже если не принимать во внимание эти исключения из правила, все туареги стараются приспособиться к новым условиям, продержаться любой ценой — жизнь берет свое. Порой они поступают даже весьма неэтично. Так, известны случаи продажи двенадцатилетних девочек в публичные дома. Об интеграции пока говорить не приходится — к этому не стремятся ни туареги, ни тем более основное население стран Сахеля.

После третьей чашки я попросил «шейха» написать мне свой адрес и протянул ручку. «Шейх» взял ручку

и передал ее сидящему рядом мужчине, поскольку, как объяснил мне Рене, он был неграмотен. Зато слуга умел бегло читать и писать.

— Как же это произошло?

— Некогда французы приказали туарегам посылать детей в школы. Туареги послушались. Но в школы отправили детей рабов и представителей низших каст. Сейчас эти школьники стали взрослыми.

— С точки зрения контактов с цивилизованным миром, с городами эти образованные вассалы попали в более выгодное положение, чем их неграмотные господа.

— Можно сказать, что так. Хотя родо-племенная структура сохраняется и за пределами Сахары. На нее не влияет ничто. Лишь немногие туареги готовы считаться с фактом существования какого-то там Мали или Нигера. В это трудно поверить, но у них имеется собственная политическая конфедерация. Административные границы государств для них не существуют. Здешние туареги, например, принадлежат к конфедерации Ахаггар, которая ни о каком Мали ничего не желает знать.

## 2

В проспекте, распространяемом агентством «Эр Мали», сказано: «Белое население ведет преимущественно кочевой образ жизни и в большой степени зависит от своего скота».

Легко догадаться, что речь идет не о проживающих в Мали европейцах, а о других группах населения, прежде всего о туарегах; это их, в отличие от других народностей — бамбара, малинке, бобо или сараколе, считают белыми. Для полноты картины добавим, что кочевников-фульбе называют «серыми», а европейцев — «розовыми». Да, дальтоникам нечего делать в Мали!

В последнее время проблемой туарегов серьезно занимаются бесчисленные журналисты из Франции и других западных стран. Многие пытались проникнуть в так называемый шестой регион, то есть в северо-восточную часть Мали. Некоторым это удалось. И все в один голос осуждают малийское правительство за политику физического уничтожения кочующих пастухов Сахары.

«Ди вельт» в октябре 1974 года писала, что Мали и другие государства Сахеля прибегают к рискованному решению проблемы кочевников: они хотят истребить туарегов и другие племена. Там, вдали, на краю пусты-

ни, и без того вымирает неугодная и неудобная этническая группа. Судьба кочевников Сахеля предрешена, их полного исчезновения избежать нельзя... У туарегов нет будущего. Через два поколения в Мали не останется кочевников<sup>23</sup>.

И все же — насколько мне удалось понять — правительство Мали совсем не отказалось помогать туарегам. Не поднимая шума, власти, например, доставили в северные районы много продовольствия и лекарств.

### 3

Однако оставим на время туарегов и поговорим о другом.

У Республики Мали далеко идущие планы. Малийцы хотят ликвидировать отсталость, справиться с последствиями засухи.

Правительство разработало новый пятилетний хозяйственный план на 1976—1980 годы, которым предусмотрено ограничить импорт продовольствия (он составляет сейчас 80 процентов!) путем повышения собственного производства сельскохозяйственной продукции. Производство кукурузы и проса должно возрасти с 9 тысяч до 158 тысяч тонн, риса — со 195 до 338 тысяч тонн. Ведется кампания за расширение посевных площадей под сахарный тростник. Введение в строй второго сахарозавода позволит увеличить производство сахара до 20 тысяч тонн ежегодно (к сожалению, и этого будет недостаточно, чтобы полностью удовлетворить потребности населения). Существенно возрастает производство хлопчатника и арахиса. При помощи Африканского банка развития будут построены три маслобойных завода. Планом предусматривается также увеличить поголовье скота, число которого в результате засухи сократилось на 80 процентов. Важные задачи стоят и перед промышленностью. В стране будут строиться предприятия по производству строительных материалов, химической, текстильной и пищевой промышленности. В Селинге и Манантали будут построены две крупные плотины.

Значительные средства отпускаются на развитие транспорта, средств связи и на туризм. Проектируется строительство железнодорожной ветки, которая соединит Мали с Верхней Вольтой.

Мали активно участвует в широко развернувшейся борьбе с тропическими болезнями, с мухой цеце, малярийным комаром и черной мухой.

К югу от Сахары, как и прежде, ежегодно умирает от малярии не менее миллиона детей до двухлетнего возраста. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в последние годы вынуждена была признать свои неудачи в борьбе с малярийным комаром, особенно после того, как на ДДТ было введено ограничение. Малярия — бич Мали. Если в борьбе с ней и удалось достичь кое-каких успехов, то лишь благодаря усилиям государств и международных организаций, распространяющих противомаларийные таблетки.

Случается, что муха цеце добирается до самого Бамако. Правительство Мали сотрудничает с ВОЗ и участвует в сорокалетней программе борьбы с сонной болезнью. Осуществление этой программы будет иметь огромное значение для здоровья населения Мали и для ее экономики. По данным статистики, в Африке на площади 7 миллионов квадратных километров, где обнаружена муха цеце, можно было бы содержать 120 миллионов голов скота (что эквивалентно производству 1,5 миллиона тонн мяса ежегодно) стоимостью 750 миллионов долларов.

Средства, которые до сих пор ассигновались на борьбу с мухой цеце, были весьма скромными, поэтому неудивительно, что приносимый этими насекомыми ущерб исчисляется в 2,5 миллиона долларов в год. В настоящее время планируется создать координационный центр, впоследствии же предполагается осуществить ряд мероприятий, таких, как осушение болот, производство новых химических средств, создание сети контрольных пунктов и т. п.

Специалисты возлагают надежды на выведение новых пород скота, невосприимчивых к сонной болезни. Созданная в Найроби (Кения) Международная лаборатория по борьбе с болезнями животных ведет большую исследовательскую работу.

Еще одна, третья «египетская казнь» для Мали — это речная слепота. Борьбу с черной мухой в дельте Вольты ведут семь государств региона. Осуществляется двадцатилетняя программа, на которую ассигновано 120 миллионов долларов.

Африка ведет священную войну с болезнями. И все же средняя продолжительность жизни в странах Сахеля чрезвычайно низка; самая низкая из всех стран в Мали — 27 лет, в Чаде — 31, в Нигере — 37.

По традиции малийцы весьма чистоплотны. Повсюду

существует обычай мыть руки перед едой, они охотно купаются в реках и прудах. Однажды в Курикуло, крупном населенном пункте на берегу Нигера, на закате солнца я наблюдал веселое коллективное купание. Если не считать испуганного осла, на берегу не было ни одной живой души — все барахтались в реке. Я не мог скрыть своего удивления и восхищения. Сопровождающий меня местный портовый служащий (из Курикуло суда отправляются в Гао) спросил:

— Разве вы так не моетесь?

— Нет.

— Понимаю, у вас нет рек.

Через неделю после этого эпизода, когда я был уже в Мавритании, состоялся не менее интересный для меня разговор. Я сказал кому-то из сопровождавших меня местных жителей, что его страна должна производить больше рыбной муки.

— Но кто ее у нас купит?

— Мы, поляки.

— Вы в Польше питаетесь рыбной мукой?

Немного знают в Мали о Польше. Почти столько же, сколько в Польше о Мали. А ведь это страна с тысячелетней историей, с собственной яркой культурой и своеобразными обычаями. А кроме того, здесь есть Томбукту — олицетворение всего экзотического и загадочного.

#### 4

Мали — государство, на юге простирающееся до тропических лесов Гвинеи, а на севере глубоким клином врезающееся между Мавританией и Алжиром, — занимает территории, исторически и демографически весьма разнородные. Этнический состав населения этой республики, как и Африки в целом, неустойчив. Никогда нельзя знать точно, остались ли еще жители в том или ином районе или отбыли в неизвестном направлении. Кто поселился на данной территории и надолго ли? Ведь кочующие туареги не держат монополии на кочевой образ жизни! Люди здесь подобны кочующим пескам пустыни.

Всеобщее мнение таково, что один из немногих факторов, объединяющих Африку к северу от экватора, — это ислам. И в то же время по своей сути он чужд психологическому складу жителей Черного континента. В прошлом ислам был им навязан. Мали принадлежит к

числу стран, где между исламом и анимистическими представлениями африканцев происходили особенно сильные столкновения.

Климат — другой традиционный объединяющий фактор этого района Африки. Засухи и наводнения, поочередно терзавшие жителей долины Нигера, роднили между собой различные народы.

Однако в годы последней катастрофической засухи произошло нечто неожиданное: стихийное бедствие углубило противоречия между народами, и особенно пострадали от этого кочевые племена, и в первую очередь туареги Сахары.

Мали, как и прежде, — романтическая, полная тайн страна, привлекающая любителей приключений. Едва приземлившись в Бамако, они отправляются в легендарный Томбукту. Этому городу в песках Сахары посвящены сотни повестей и фильмов. Французы заняли Томбукту лишь в 1893 году. До этого, на протяжении почти шести столетий, он был центром мусульманской культуры, торговли (в том числе и работорговли), важным звеном в контрабанде товаров и идей.

Государство Мали, возникшее в XI—XIII веках, было преемником могущественного государства Гана. Оно раскинулось в долине верхнего Нигера. Наивысший расцвет этого государства приходится на период владычества Канка Мусы (1307—1332), под властью которого находилась территория от Атлантического океана до границ современной Нигерии.

Начиная с X столетия территория современного Мали постоянно была объектом экспансии со стороны ислама. Здесь возникли и благополучно развивались раннефеодальные государства, сохранявшие почти до конца XX века институты доклассовых обществ и рабовладельческий уклад. После падения последнего из них — государства Сонгаи — на его развалинах возникло несколько десятков самостоятельных мелких государств.

Потом пришли французы. В 1895 году Мали вошло в состав Французской Западной Африки, а с 1940 года оно стало частью Французского Судана, обладавшей некоторой самостоятельностью.

С 1960 года Мали — независимая республика. Во главе ее много лет стоял Модибо Кейта. После того как Модибо Кейта был свергнут, власть перешла к ВКНО.

Молодая республика, получившая в наследство от Франции немало язв, пытается их с большим или мень-



шим успехом лечить. К сожалению, существовавшая на протяжении столетий и подогревавшаяся колонизаторами неприязнь между отдельными племенами и народностями разъедает государственный организм. Никак не может разрешиться извечная проблема «голубых людей», которые имеют смелость исповедовать ислам, но отвергать полигамию. «Голубые люди» сохраняют матриархат<sup>24</sup> и поддерживают традиционные, непонятные иноплеменникам обычаи. У них, например, принято, чтобы не женщины, а мужчины закрывали лица.

Но самая большая беда этого района с переменчивой, часто трагической судьбой — это недостаток воды и... ее избыток. Чаще — недостаток. Воды так мало, что пустыня умирает. Лишь тогда, когда воды будет достаточно — в будни и в праздники, для людей и для животных, на полях и в городах, — лишь тогда можно будет вступить в борьбу с прочими бедами.

## МАВРИТАНИЯ

---

### Сахара убивает — нужно убить Сахару

Нет, в Мавритании дожди не шли. Не было их ни в 1974, ни в 1975 году, в то время как они выпали в других странах. Здесь, по сути дела, совсем не бывает дождей. Подумайте сами, есть ли разница между десятью миллиметрами осадков в месяц и, скажем, 0,2 миллиметра, как это было в последние годы? В этой стране рождаются и живут на песке, песком дышат и на песке умирают. Клочок зелени, побег, травинка лишь на короткое время нарушают нормальный пейзаж. Каждая капля воды с неба вызывает изумление, радость, восторг.

Поскольку 300 миллиметров осадков в год — это минимальная граница для более или менее (скорее менее) нормального развития сельского хозяйства, почти вся страна представляет собой голую пустыню. Лишь в немногих оазисах да по берегам реки Сенегал на полях поднимается кое-какая растительность.

Казалось бы, люди привыкли к вечной жажде, и все же в последние годы, когда на них обрушились катастрофические зной и сушь, смерть и страдания пришли к ним в размерах, доселе невиданных и не испытанных. Погибло все, умирали даже верблюды.

Из бескрайней пустыни, как из бушующего океана, неслись сигналы SOS. Мавританские кочевники зывали о помощи и — не в силах ее дожидаться — брели к югу, падая по дороге замертво.

Одним из немногочисленных прибежищ, где они надеялись найти спасение, был Нуакшот, столица пустыни. Городок белых одноэтажных домиков превратился в палаточный лагерь, а число жителей возросло с десяти до сорока тысяч человек, а потом и до ста двадцати тысяч.

# 1

В тот день над Нуакшотом свирепствовала песчаная буря. Однажды в Нигере я уже был свидетелем этого удивительного явления. Но там были кратковременные — по несколько часов — атаки пустыни, раскинувшейся в некотором отдалении. Здесь же я внезапно оказался в самом эпицентре циклона, под ударами сухого харматтана и посреди песчаной бури, длившейся сутки. Со стороны моря, откуда я смотрел на столицу и где воздух отличался прозрачностью и чистотой, не было видно даже очертаний города. Лишь в желтом мареве клубилась какая-то бесформенная масса.

Черные и белые (местный путеводитель для туристов сообщает, что белые в Мавритании, как и в Мали, в основном кочевники) еще плотнее закутались в свои свободные ткани, оставив узкие прорезы для глаз.

Смотреть на этот город, по сути дела — лагерь в пустыне, да еще в такой вот судный день, было тяжело, хотя и весьма интересно.

Улицы, тянувшиеся вдоль низких стен, были засыпаны белым песком, словно снегом. На узких полосках асфальта образовались песчаные сугробы. Ветер гнул жалкие, чахлые кустики, грохотал в ставнях, свистел в телеграфных проводах. Время от времени сквозь песчаные тучи проглядывало бледное, испуганное солнце. Медленно и осторожно с зажженными фарами двигались автомобили. Редкие прохожие шли, согнувшись в три погибели и прижимаясь к стенам. В сухом, пыльном, раскаленном пространстве свободно прыгали только беззаботные козы. Они разгуливали по сине-желтым буграм с поднятыми вверх головами, иногда наклонялись в поисках пищи. Их старания казались абсолютно лишены смысла: нечего было и мечтать о какой-либо тра-

винке, а немногочисленные деревца были защищены сетками. В Нуакшоте козы находятся почти в том же положении, что и коровы в Индии: они никому не нужны, действуют всем на нервы, но их не трогают. Впрочем, пожалуй, это не совсем так. Иначе зачем бы они носили на вымени специальные защитные мешочки? Кто-то доит этих коз и не хочет, чтобы чужие козлята воспользовались молоком.

Мне показали широкую аллею, вдоль которой торчат пни: почти все деревья вырублены нынешней ночью. Через неделю будут посажены новые, а через месяц их вновь кто-то вырубит.

Деревья — якорь спасения для этого района земного шара. В сотнях отчетов и научных исследований лесонасаждения рассматриваются как самое важное средство от засухи для Мавритании, Верхней Вольты, Нигера и Чада. Специалисты неустанно повторяют, что рощи акаций могли бы изменить климат.

Могли бы, но этого не происходит. Прежде нужно истребить в Мавритании всех коз, посадить под стражу всех потенциальных расхитителей древесины и лишь потом приступать к широкому окультуриванию почв.

В Нуакшоте, этом огромном лагере среди пустыни, есть несколько больших «палаток». Одна из них — президентский дворец. Дворец все-таки отличается от временных построек, чего нельзя сказать о жилых строениях, разбросанных в нескольких сотнях метров от него. При первом ознакомлении со столицей Мавритании создается впечатление, что вы попали в спортивный лагерь.

Далеко разносится шум от ударяющегося о стенки палаток песка в районе, где сейчас поселились кочевники. Вот оторвалось полотнище от чьей-то палатки и бьется на ветру, словно флаг, призывающий на помощь.

За несколько минут вы добираетесь до другого конца столицы, где вырос поселок, состоящий из конур и бараков и носящий гордое название «Новая жизнь»!

Страшная засуха в странах Сахеля повлекла за собой разного рода драматические последствия. В Нуакшоте возникла небывалая доселе проблема: резкое увеличение числа жителей. Из десяти человек, находящихся здесь в настоящее время, может быть, до катастрофы в столице жил только один.

Проблема была бы решена, если бы можно было повернуть события вспять, если можно было бы убедить кочевников **уйти** из Нуакшота, Бутилимита, Росо и **некоторых** других городов и вернуться туда, где они жили **прежде**. Но для этого нужно восстановить поголовье скота, которое сократилось на 50—80 процентов. Восстановить поголовье — это еще не все. Нужно обеспечить его кормами. А Мавритания выжжена дотла. Вода ушла глубоко в песок, местами на 400 метров. Уровень воды в Сенегале понизился так сильно, что в реку из океана проникла соленая вода почти на сто километров. Пострадали возделанные поля и сотни водозаборов с питьевой водой.

Много песка из Сахары унесет ветер, пока государство начнет по-настоящему эксплуатировать естественные богатства, благодаря которым можно было бы восстановить национальную экономику. А ведь в этом песке содержится вся таблица Менделеева! Железная руда и медь, которые добывают на границе Западной Сахары и по единственной железнодорожной ветке транспортируют в порт Нуадибу, в настоящее время уже стали важной статьей бюджета. Но население пока живет в основном за счет животноводства. На неполных полтора миллиона жителей перед наступлением засухи в Мавритании приходилось 2300 тысяч коров, 8400 тысяч овец и коз, 720 тысяч верблюдов, 300 тысяч ослов и 15 тысяч лошадей. Неправдоподобно большое количество скота! Чем его кормили? Песком? Камнями? Отходами?

В Мавритании прилагаются усилия к тому, чтобы сконцентрировать животноводческие и земледельческие хозяйства вокруг так называемых водных пунктов. Каждый глубинный колодец, оснащенный насосом и генератором, может возродить жизнь на многие километры вокруг.

Сейчас люди стали объединяться в группы, ведущие хозяйство совместно. Этот процесс назван «предкооперацией». Может быть, это первый шаг по пути социалистического развития мавританской деревни.

Около шестидесяти мужчин и женщин из Хассеи ульд Бабук обратились к правительству с просьбой помочь им продовольствием и сельскохозяйственными орудиями. Эти люди прибыли сюда из северных и восточных районов и хотят начать совместно обрабатывать

200 тысяч гектаров земли. Они потеряли поля, пастбища, скот. Жителям Хассеи повезло. А может быть, они просто оказались дальновидными. Вышло так, что неподалеку от их селения строилась шоссейная дорога, которая должна была соединить Росо, Нуакшот и Акжушт. Для строительства требовались глубокие колодцы, и они здесь были. Оказалось, что благоустройство округа Хассеи ульд Бабук включено в программу развития, разработанную международными организациями ФАО и МПП.

Организации создают в этом районе земледельческо-скотоводческие хозяйства — снабжают крестьян орудиями труда, продовольствием и кормами для скота. Опыт показал, что, после того как будет создана ирригационная система, хозяйства смогут выращивать огородные и кормовые культуры в радиусе около 500 метров вокруг колодцев. Система, состоящая из десятка глубоких (до тысячи метров) колодцев-спутников, снабженных ручными насосами, даст возможность освоить земельные угодья в радиусе 1000 метров от основного колодца. О том, чтобы удалиться от колодца на большее расстояние, не может быть речи.

Вода здесь является условием существования, решающим фактором жизни. Как не припомнить слова Сент-Экзюпери: «Вода! У тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя не опишешь, тобой наслаждаешься, не понимая, что ты такое. Ты не просто необходима для жизни, ты и есть жизнь».

Открываю свежий номер диковинной газетки «Нуакшот информасьон» (десять страничек на множительном аппарате). Рядом с новостями из зарубежных стран, а точнее, из Африки и несколькими сообщениями о событиях внутри страны — сводка министерства внутренних дел. Не какой-нибудь там синоптик, а лично господин министр сообщает, сколько выпало за последние пять дней в различных точках страны осадков. Честно говоря, если бы все мавританские коты хорошенько поплакали, в стране стало бы больше влаги, чем после этих жалких дождичков.

На второй день моего пребывания в Нуакшоте песчаная буря несколько улеглась, но в воздухе по-прежнему висела пыльная дымка. Из имеющихся здесь нескольких кондиционеров большинство — сломанные. А вода из кранов течет! Правда, не круглые сутки — только в определенные часы. Уже больше года в Нуакшоте действу-

ют водопровод и канализация, и поэтому столица Мавритании с полным правом может именоваться городом.

Я побывал на окраине, на улице, отделяющей городские дома от палаток. Полубовался прелестным католическим кафедральным собором, удивительно гармонирующим с пейзажем и духом Нуакшота. По форме и окраске собор напоминает один из высоких песчаных холмов Сахары.

### 3

А теперь я позволю себе краткое, но существенное отступление.

Разве не очевидно, что в этом месте земного шара, где встречаются Атлантический океан и океан пустыни, присутствие человека оправдано менее всего? И тем не менее люди упорно держатся за этот клочок земли. Более того, в последние годы они начали даже отвоевывать друг у друга части пустыни. Яблоком раздора между Мавританией, Марокко и Алжиром стала территория Западной Сахары, по площади превышающая две трети Польши, с населением 60 тысяч человек.

В душном ресторане «Эль-Аман» в Нуакшоте мне показали двух мужчин весьма мрачного вида, прибывших «оттуда». Во время ужина они что-то шептались друг другу на ухо, словно опасаясь, как бы их не услышали в Алжире.

Территория, известная под названием Испанской Сахары<sup>25</sup>, уже несколько лет является темой разговоров в Нуакшоте. Вначале много и громко кричали о продажных шейхах, сотрудничающих с колонизаторами, о бедных кочевниках, о марионеточном национальном собрании колонии Джамаа<sup>26</sup>, о томящихся в тюрьмах борцах за свободу. Значительно тише и как бы стыдливо звучала другая тема — о хранящихся под песками Западной Сахары сокровищах. Всем известно, что в Боу Граа ежегодно добывается более трех миллионов тонн фосфоритов и что иностранные вложения в горнодобывающую промышленность составляют сотни миллионов долларов. Как писала в свое время «Жён Африк», в сахарской колонии железной рукой правили испанцы. Они держали там гарнизоны, насчитывавшие пятьдесят тысяч солдат. Над столицей колонии Эль-Аюн непрерывно кружили вертолеты. Водители немногочисленных автомашин обязаны были после наступления темноты ездить

с освещенными салонами, чтобы полицейские могли видеть, кто там сидит.

Потом положение внезапно и резко изменилось. После периода тяжелого напряжения, после марокканского «Большого марша»<sup>27</sup> и других событий испанцы ушли из Сахары, а их место заняли войска Марокко и Мавритании. Что же касается правительства Алжира, то оно продолжало требовать полной независимости Западной Сахары. При поддержке Алжира в бывшей испанской колонии стали создаваться партизанские отряды, начались вооруженные столкновения между марокканскими и алжирскими войсками.

Тогда, в ресторане Нуакшота, мой сосед по столу, представитель ФАО в Мавритании, время от времени бросавший косые взгляды в сторону мужчин, прибывших из Западной Сахары, не скрывал своего негодования по поводу всех этих событий.

— Их интересуют фосфориты, деньги. О людях никто не думает. Много говорят о страшной засухе в Мавритании, Нигере, Мали, и никто не думает о голоде в Западной Сахаре. Это — дело нескольких десятков тысяч «голубых» людей, жителей песчаных районов, расположенных вдоль Атлантического океана. Мало кто знает об их судьбе. Мало кто заботится о них.

— Кто они, эти люди за соседним столиком?

— Не знаю, кто они, но не кочевники пустыни, страдающие от голода и жажды.

Над огромным пространством Сахары и прилегающих к ней районов продолжает висеть как дамоклов меч постоянная угроза голода. Под этим мечом копошатся и хлопочут политики и бизнесмены. Нуакшот — не исключение.

#### 4

Картина, которую я наблюдаю, безрадостна. На широкой, обнесенной стеной площади громоздятся сваленные в кучу мешки. Некоторые разорваны, засыпаны мукой, зерном, припудрены сухим молоком. Над ними тучами носятся мухи, какие-то отвратительные птицы. Крысы, только что копошившиеся в зерне, словно поросята в грязи, сейчас попрятались и, конечно, наблюдают за нами своими черными глазками.

В порту Нуакшота валяется несколько тысяч тонн продовольствия, доставленного в Мавританию для голодающих. Правительство считает, что 250—300 тонн уже

непригодно для употребления. Представитель МПП и ФАО Губерт Край утверждает, что эту цифру следует удвоить. Так или иначе, небрежное, неумелое обращение с доставляемым по морю продовольствием ведет к огромным потерям. Многие жертвы голода таким образом теряют последний шанс на спасение и возврат к нормальной жизни.

Правительство Мавритании не в состоянии ни сохранить поступающее продовольствие, ни как следует его распределить. В то время как ожидающие сорго, рис и сухое молоко люди получают мизерные пайки — по 300 граммов в день,—товары в портах гниют, становятся добычей крыс и насекомых. За последние полгода в Нуакшот прибыло 2068 тонн сухого молока. Людям роздана всего одна тонна, остальное продолжает лежать на земле, окаменев и превратившись в белые глыбы, на которые без ужаса невозможно смотреть. Из четырех тысяч тонн продовольствия, прибывшего в Нуадибу, роздана лишь половина. На границе с Сенегалом в ожидании транспортировки гниют 4500 тонн продуктов, в Дакаре — более 16 тысяч тонн.

— Господи, что мне делать с этими гибнущими сокровищами? — говорит Губерт Край. — В дакарском порту при всем напряжении сил можно сгрузить с морских судов не более 400 тонн товаров в день. Чтобы доставить сюда весь поступивший груз, нужны недели и даже месяцы. А потом еще приходится ждать, пока кто-нибудь соизволит его получить...

Вскоре после нашего разговора Губерт Край был поспешно переведен на работу в Руанду. Причиной этого послужила, писал он мне в письме, его чересчур энергичная борьба с бюрократизмом, инертностью и коррупцией. Подобная активность была признана руководством отделений ООН нежелательной.

Специалисты считают, что, если в ближайшие десять лет в Мавритании будет выпадать нормальное количество осадков, поголовье скота к 1983 году едва поднимется до уровня 1974 года. Таким образом, помощь будет по-прежнему необходима. Разве что образ жизни и способ ведения хозяйства жителями этой страны изменятся коренным образом. Эксперты говорят о «перевоспитании». Вместе с тем они понимают: если крестьянин утратит веру в свою землю, а кочующий пастух потеряет надежду на то, что пустыня его прокормит, произойдет нечто вроде психологической гибели.



— Мы сохраняем оазисы в пустыне, и немало старожилов, несомненно, когда-нибудь туда вернутся. Однако катастрофическая засуха наталкивает нас на мысль о том, что настало время великих перемен в самом обществе,—заявил министр здравоохранения Мавритании.

Люди стремятся отменить приговор природы, а может быть, даже обернуть его себе на пользу. Это похвально, однако первые шаги на пути «великих перемен» вызывают смешанное чувство. Возможно, не надо советовать скотоводам забивать коров-пятилеток? Не лучше ли дорастить их до десяти лет и более, как практиковалось раньше? Прежде всего следует подумать о восстановлении поголовья: слишком тяжелый урон понесло в последние годы животноводство. Трудно осуществить решение правительства, задумавшего — по примеру Туниса — полностью ликвидировать стада коз, которые, по мнению многих, приносят больше вреда, чем пользы.

90 процентов населения Мавритании — кочевники. Две трети кочевников ушли из Сахары. Как ни трудна была их кочевая жизнь, она была лучше нынешнего прозябания. Один парижанин, опытный сотрудник ЮНЕСКО, с которым я как-то обедал в ресторане «Эль-Аман», сказал:

— Если бы мне дали миллион долларов, чтобы я его разумно использовал в этой стране, я бы восемьдесят процентов выделил на инвестиции, пятнадцать — на экстренную помощь голодным и пять — на противозачаточные средства.

Рецептов спасения Мавритании более чем достаточно. И авторов их немало. Один из них — президент Моктар ульд Дадда,—глава государства со времени завоевания независимости в 1960 году<sup>28</sup>. Он считает, что главное — продержаться, пережить катастрофу. По его мнению, не следует ни слишком много говорить о масштабах засухи, ни скрывать правду. Надо требовать помощь и принимать ее от кого только возможно.

Хартани — сборщик ракушек, просеивающий песок пустыни, потомок рабов; когда его спросили, что он думает о спасении страны, пожал плечами:

— Будет так, как захочет Аллах. В этом песке тысячи лет лежат ракушки, на этом песке тысячи лет гибнут люди. Здесь ничто не меняется.

И все же — ракушки, которые этот человек добывает из песка, теперь идут на изготовление бетона, ими заменяют камни и гравий, которых нет в Мавритании. Из

бетона вырастают первые в этой стране прочные дома, которым не опасен самый сильный харматтан. Люди гибнут меньше, чем сто лет назад. Сахара и страны Сахеля посылают сигналы SOS, которые слышит и принимает весь мир.

В Мавритании по-прежнему нет дождей... Но меняется многое.

## СЕНЕГАЛ

---

### Солнце светит по-иному

Говорят, где-то у побережья Сенегала, над Атлантическим океаном, находится огромная «кухня» — там варится и жарится погода для Африки. Блюда, приготовленные в этой «кухне», потом подаются всему континенту. Как видно, в последние годы что-то случилось с поварами, потому что в странах Сахеля произошел уже известный нам климатический катаклизм.

Большие потери понесла Республика Сенегал. Вода в реке Сенегал опустилась до такого низкого уровня, какой никогда не отмечался в хрониках. Соленая вода Атлантики смешалась с водой этой реки, так же как Нигера, на расстоянии ста километров от устья. В результате в этом районе — главной житнице страны — пострадали посевы. В Сенегале пало от 20 до 40 процентов домашних животных, высохли возделанные поля.

Несколько тысяч человек изучают «кухню» в океане на протяжении ряда лет. Их во многом противоречивые оценки совпадают в одном: непредвиденные капризы погоды в районе Дакара оказывают сейчас и могут оказывать в будущем решающее влияние на все стороны жизни Африки.

### 1

Себастьян, сидевший рядом со мной в самолете, на миг прервал свой монолог о засухе в Африке: небо озарила молния. Бушевала гроза — в салоне то и дело гас свет, струи воды стекали по стеклам. Мы прилетели в измученную многолетней засухой страну на крыльях дождя и приземлились на аэродроме, где вода достигала циклосток.

В Париже Себастьян изучает геофизику. Он прилетел домой на пару недель. В будущем он надеется получить место преподавателя в Дакарском университете. Правительство настойчиво выдвигает лозунг сенегализации кадров. Честолюбивым планам Себастьяна может помешать его негативное отношение к правительству.

— Засуха засухой, но не по всем она одинаково ударила. Многие использовали катастрофу в своих интересах. У нас коммерсанты во все времена были ростовщиками и мошенниками, а перебои на рынке всегда служили на руку вора и гангстерам,— говорит Себастьян в перерыве между ударами грома.

Уроженец юга страны, он считает, что вокруг засухи в Дакаре поднят подозрительно большой шум. Я не понял, что именно имел в виду молодой геофизик, летевший из Парижа. Но сам президент Сенгор<sup>29</sup>, обидевшийся поначалу на Красный Крест, который в рапорте весьма трагически сообщал о положении в Сенегале, и выславший из страны французских журналистов, мрачными красками обрисовавших состояние экономики Сенегала, тот же самый Сенгор в Национальном собрании признал, что положение очень и очень тяжелое и что страна нуждается в неотложной помощи извне. Кое-кто утверждает, что на взгляды главы государства повлияли настроения студенчества. Для нас же здесь нет ничего неожиданного: во всех странах Сахеля нарушение климатического равновесия сопровождалось социальными и политическими потрясениями. Договорившись с Себастьяном о встрече и простившись с ним, я под проливным дождем помчался к аэровокзалу искать такси.

Дождь, который шел уже несколько дней с небольшими перерывами, совсем выбил меня из колеи. Ведь я прилетел сюда в связи с засухой, а тут льет и льет. Плохо придется странам Сахеля, если мир успокоится после первых же дождей, прошедших на территории между Эфиопией и Сенегалом!

— Не исключено, что Сахель удастся спасти,— сказал час назад Себастьян. — Но только в случае, если все человечество поможет. Ну и если климат наконец сжалится над нами.

Дакар взбух от дождя. Перед тем он успел разбухнуть от людей: в последние годы сюда пришли десятки

тысяч крестьян, которые не могли больше жить в своих деревнях за счет полей и стад. Кое-кто нашел работу, остальные — имя им легион — тянут руки за подаванием.

Я прочитал, что Сенегал потерял треть или четверть поголовья скота (пустяк по сравнению с потерями Мавритании, Нигера или Чада) и что в этом есть некое рациональное зерно, ибо произошел естественный отбор: ведь пали самые слабые особи.

Глядя на толпы нищих, на истощенных детей, на несчастных матерей с младенцами на руках, я думаю, не идет ли зловещий отбор и среди людей, когда самые слабые и, вероятно, наименее агрессивные, а может быть, и лучшие люди погибают.

Нынешняя засуха — не первая в Сенегале. Старики хорошо знают о существовании сухих и влажных циклов. Возможно, поэтому в Дакаре так мало стариков. Из деревни бегут молодые, неопытные, напуганные трудностями борьбы со стихией, а те, что постарше, терпеливо ждут. Они многое повидали на своем веку — недаром говорят, что смерть старика в этой стране неграмотных равнозначна пожару большой библиотеки в Европе...

Некоторым пришельцам повезло — они не просят подаяния на улицах шестисоттысячной столицы: получили работу. Работа — это счастье. Но, боже милосердный, что это за работа! Самые низкооплачиваемые услуги, самый неквалифицированный труд.

Я решил осмотреть промышленные предприятия, расположенные поблизости от центра Дакара. Так, я думаю, выглядели первые фабрики в Европе в начале XIX века. Примитивная техника, теснота, грязь, пыль, отсутствие света! Большинство этих мастерских принадлежит французам, ливанцам, индийцам, которые хотят побыстрее заработать как можно больше денег и убраться восвояси, пока никто не помешал.

Работающие в этих норах молодые люди не знают ни праздников, ни выходных дней. За мизерное вознаграждение они трудятся с утра и до позднего вечера.

Развитию кустарной промышленности в Сенегале благоприятствует таможенная политика. За привезенную из-за границы косу, которая стоит не больше трех долларов, приходится платить двадцать, поэтому выгоднее производить косы на месте. На месте же производитель желает получить за свое изделие втрое больше себесто-

имости, торговец хочет заработать сто процентов. В итоге сенегальская коса не по карману крестьянину.

Побывав позднее в Абиджане — столице Берега Слоновой Кости — и сравнив его с Дакаром, я пришел к выводу, что Дакар — более здоровый организм, чем Абиджан, с которым в последние годы он ведет борьбу за честь называться африканским Парижем. Во время краткого знакомства с Абиджаном я увидел великолепный город, построенный белыми для белых, — раковую опухоль на теле нищей страны, выражение новой формы колониализма. Абиджан с его роскошными зданиями, с цветными неоновыми лампами, широкими бульварами, ровными мостовыми, ухоженными газонами, ночными ресторанами, такими, как «Черная жемчужина» или «21», прекрасными гостиницами и искусственными катками выглядел как злая насмешка над разыгравшейся вокруг трагедией.

Еще недавно на улицах Дакара вы могли забыть о том, что находитесь в Африке: современные дома, яркий свет неоновых ламп, оживленное автомобильное движение. Сейчас же, после страшной засухи, город, почти не утратив былого блеска, приобрел много черт перенаселенной африканской деревни.

### 3

В воскресенье в толпе я неожиданно увидел большой, напоминающий птичий клюв нос Себастьяна. Не сговариваясь, мы оба оказались на пароме, отходящем на остров Горе. Парижский студент в свободной светлоголубой бубу, подчеркивавшей черноту его немыслимо черной кожи, на этот раз был с группой молодежи, также одетой во все яркое и легкое.

Горе расположен в двадцати минутах езды от столицы. На крошечном островке раскинулся городок, некогда построенный французами по образцу городов Прованса. Здесь же он напоминает театральную декорацию.

Жара стояла невыносимая, на горизонте собирались тяжелые тучи, однако туристы не обращали на них никакого внимания. Суденышко подошло к причалу в самый полдень. Неподалеку гремел оркестр. Рядом стояла довольно большая толпа юношей и девушек. Они топтались на раскаленном песке с непокрытыми головами и не спускали глаз с оркестра. Музыканты непрерывно дергались, кривлялись, а молодежь заворуженно следила за ними.

Я решил прогуляться по улочке Сен-Жермен. Хотелось посмотреть на «Дом невольников». Этот необычный дом-тюрьма, состоящий из темных, лишенных окон нор, находится на самом берегу океана. По ведущим к воде ступенькам здесь когда-то волокли несчастных негров. Горе был главным этапным пунктом при переброске живого товара из Африки в Америку и Европу. Занимались этим делом португальцы, голландцы, англичане и французы. В «Доме невольников» живет дух Освенцима. Жуткое место...

В настоящее время Горе превратился в одну из туристических достопримечательностей. Правда, несколько мрачную, но что поделаешь... Сюда на уикенд приезжают французы, англичане, голландцы. Одни отдыхают после недельной погони за деньгами, другие — после самоотверженной и тяжелой работы в различных организациях, несущих помощь голодающим и другим несчастным жертвам затянувшегося стихийного бедствия.

В истории Африки было немало неожиданных поворотов. В фортах Горе и сейчас можно увидеть пушки, из которых стреляли лишь однажды. Это было в 1940 году, когда к Дакару подошел корпус генерала де Голля, чтобы занять город. Тогда французы стреляли по французам.

Позднее мы все-таки встретились с Себастьяном. В тот день на Горе все пили пиво. Я тоже взял бутылочку. Студент представил меня своим друзьям и тут же заговорил на волнующую его тему, как будто наш разговор в самолете прервался минутой назад.

— Скоро опять польет дождь. Пусть льет. И все же я не верю, что это конец сухого цикла. Начала расти трава, она скоро высохнет. Катастрофа не может так скоро кончиться.

Оркестр грохочет, жара убийственная. Себастьян пьет пиво прямо из горлышка.

— Над Африкой носятся тяжелые тучи пыли, которые поглощают двадцать пять процентов солнечной энергии. Нарушается энергообмен, задерживается образование кучевых облаков, тормозится процесс испарения вод океана,—вновь заговорил он.

— И что же? Нас ждет катаклизм?

— Напрасно вы шутите! Около четырехсотого года нашей эры в окрестностях Рима существенно поднялась температура воздуха и появилось много малярийных комаров, отчего активность жителей империи значительно

снизилась. Так что одной из косвенных причин падения Рима был климат...

— Но в Африке пока незаметно подобных катастрофических тенденций.

— Наступление пустыни, сокращение площади озера Чад, уход африканских львов из района Томбукту и Гао далеко на юг — все это не обещает в будущем ничего хорошего.

Издали донеслись раскаты грома, и вскоре стали падать первые крупные капли дождя. Себастьян прикрыл голову газетой.

— Пусть идет дождь! — закричал он. — Пусть идет! Иначе нам придется иметь дело с двадцатью миллионами беженцев.

Обратно паром шел почти пустой. Многие решили переждать дождь под навесами домов и в закусочных. Погода в Африке определяет не только жизнь как таковую, но и каждый ее час. Однако Сенегал, одно из наиболее цивилизованных государств бывшей Французской Западной Африки, располагающий достаточными кадрами специалистов и чиновников, не будет пассивно ждать, когда климат начнет изменять историю страны в неблагоприятном для нее направлении.

По приглашению губернатора Дакара Тьерно Ибрахима Ндао я отправляюсь в деревню Баргни, расположенную в 35 километрах от столицы. Там, говорят, происходит нечто необычное, и мне, журналисту, стоит посмотреть.

Не успев опомниться от сумасшедшей гонки (в первом автомобиле ехал губернатор в традиционном мундире французского префекта, и мы мчались с бешеной скоростью, сигналив, как пожарники или полиция), я вышел из машины и сразу же попал в толпу, собравшуюся на берегу большого водоема, который как раз и был целью нашего путешествия.

Жители Баргни по собственной инициативе своими руками соорудили четыре плотины и водохранилище для дождевой воды длиной семь километров и глубиной до семи метров. Если прежде дождевая вода уходила в океан, заливая по пути дома и целые деревни, то сейчас она сможет напоить триста гектаров земель, занятых огородными культурами, а заодно не будет больше угрожать безопасности деревни.

— Ко мне явилась делегация старейших жителей деревни, — вспоминает губернатор, — с просьбой о помощи.

В их краях якобы когда-то были прекрасные сады, но они погибли, когда вокруг срубили все деревья и не стало строительного материала для сооружения плотин. Мы помогли этим людям. Дали им цемент и специалистов. Международный фонд питания выделил строителям витамины и продукты, содержащие белок.

Я еще раз убедился, что в Африке самые ошеломляющие начинания и важнейшие проекты сводятся к наиболее простым вещам. А эти простейшие вещи зачастую решают судьбу не только тех или иных деревень или регионов, но и целых государств и народов. Так, ирригационные работы на реке Сенегал, строительство плотин, регулиация русла реки между городами Сен-Луи в Сенегале и Каес в Мали — все эти грандиозные начинания позволяют освоить до миллиона акров земель (вместо 37 тысяч, которые обрабатываются в настоящее время), дадут возможность построить промышленные предприятия, приблизят Мали к берегу океана. «Если бы не катастрофическая засуха, работы на реке Сенегал начались бы, наверное, не раньше чем через сто лет...» — не помню, от кого я услышал эту фразу, но сказано, по моему, весьма метко.

Я не знаю, может ли человек изменять климат, но в том, что он в состоянии защитить себя от его капризов, не сомневаюсь.

Борьба с климатом, осуществление «простейших вещей», о которых мы сейчас говорили, требуют сверхчеловеческих усилий. В Баргни не обошлось без трагических эпизодов. Вот что писала дакарская газета «Ле Солей» («Солнце»): «Люди не приняли в расчет характер почвы. В результате во время сильного торнадо под напором воды плотина обрушилась. Это означало для деревни наводнение и гибель посевов. Люди пришли в отчаяние. Вода грозила уничтожить плоды огромных усилий. Тогда руководитель строительных работ Арекси Мухаммед, смелый и инициативный человек, предложил решение, которое должно было вернуть деревне надежду. Достав два бульдозера, он при помощи нескольких работников в рекордный срок устранил все повреждения».

Брожу по Дакару, городу, о котором двадцать лет назад Джон Хантер писал, что он задуман таким образом, чтобы в случае поражения в третьей мировой войне стать столицей Франции.

Времена меняются — сейчас французы здесь только гости, хотя и постоянные; а Париж, слава богу, не пере-



стал быть французской столицей. Здесь стало меньше женских головных уборов, похожих на искусственные уши, о которых упоминал Хантер, и домиков, похожих на мыльные пузыри. Сегодняшний Дакар — это город небоскребов и асфальтированных улиц. Ничто не говорит о том, что он готовится к роли запасного убежища на случай мирового катаклизма.

Сенегалу и его столице не грозит упадок. И не только потому, что его жители более устойчивы к малярии, чем древние римляне. Ни Сенегал, ни любая другая страна Африки от Атлантического океана до Индийского не может игнорировать того факта, что страшная засуха подняла массы людей, пробудила их активность, принудила к поискам новых форм жизни.

А в дакарской газете с красивым названием «Ле Солей» появляется все больше информации и лозунгов, касающихся социальных проблем: «Покончим с эмиграцией специалистов во Францию!», «Есть меры борьбы с коррупцией!», «Нам нужно больше школ!», «28 процентов сенегальцев все еще живут в полигамии!»

Может быть, в Африке солнце — настоящее, а не газетное — светит сейчас по-иному?

## ДОБАВЛЕНИЕ К БИБЛЕЙСКИМ СКАЗАНИЯМ

---

Более 25 миллионов человек в странах Сахеля и Судано-сахеля явились жертвами засухи. Эти люди по сей день — несмотря на выпавшие во второй половине 1974 и в 1975 году осадки — существуют на грани жизни и смерти. Среди них более 10 миллионов человек недоедают, свыше 4 миллионов — беженцы, часть которых до сих пор находится в лагерях, не менее 3 миллионов — кочевники, лишившиеся своих стад, то есть оставшиеся без средств к существованию, и больше 3 миллионов больных.

Но что такое цифры? Внешняя сторона правды о событиях семи трагических лет в Африке. Вся правда — в глазах матерей, в пыли, которая носится над иссохшими полями, в хижинах, где ютятся полуживые существа — истощенные, отчаявшиеся, ко всему безразличные.

Да, рассказ о том, что происходило здесь в последние годы, мог бы пополнить собой библейские сказания,

повествующие о великих катаклизмах и человеческих страданиях.

Мы с вами побывали почти во всех странах Сахеля: в Мали, Мавритании, Сенегале, Чаде, Нигере, Верхней Вольте. Это не было туристическим путешествием или даже обычной журналистской поездкой по нескольким малоизученным, экзотическим странам. Мы увидели район земного шара, на который обрушилась одна из величайших бед века.

В наше время все чаще предпринимаются путешествия по следам важных проблем. Живописные пейзажи, фольклор, красочные закаты, романтические морские приливы — все это ищут и без особых трудностей находят туристические бюро. Жители тех частей земли, где не знают голода, рвутся увидеть Акрополь, Мату Пикчу, Толедо и Бали. Но со всех концов планеты к ним взывают менее счастливые. Катастрофа в Африке при всем ее трагизме — лишь сигнал бедствия, которое преследует человечество уже много лет и которое все более определенно переходит в хроническую болезнь. Засуху в странах Сахеля наряду с войной в Индокитае и событиями на Ближнем Востоке следует считать важнейшим событием третьей четверти XX века.

Во время моего трехмесячного путешествия по странам Черного континента я видел мало седых людей. Может быть, жители Африки седеют позже, чем европейцы и американцы? Или причина в другом? В том, что африканцы редко достигают возраста, когда голова человека становится белой? Мало кто из них доживает до пятидесяти лет.

Демографический взрыв, хозяйственная отсталость, низкий уровень гигиены и просвещения, периодические стихийные бедствия — все это вызывает тревогу за будущее Африки, побуждает ученых, правительства и международные организации к действиям. Каждый из четырех названных выше факторов — я перечислил далеко не все — стал в настоящее время предметом тщательного изучения и анализа.

«География голода» показывает, что наиболее трагическая ситуация сложилась в настоящее время в странах Сахеля, в Индии, Бангладеш, Индонезии, Гватемале и на северо-востоке Бразилии. Сахель возглавляет этот список — засуха там охватила огромную территорию, около семи миллионов квадратных километров.

Засуха и голод в странах Сахеля явились причиной

больших миграций населения, вызвали серьезные социальные и структурные изменения, а также политические конфликты и перевороты.

Если не считать Арктики, трудно найти район с менее благоприятными для людей условиями существования, чем район, граничащий с великой пустыней. И тем не менее на протяжении тысячелетий эти районы были заселены, а кое-где люди даже вели хозяйство. Надо полагать, что беспощадность природы и климата стала привычной для жителей этих мест. Однако и адские муки должны когда-нибудь кончиться!

Длинен список мероприятий, осуществление которых могло бы смягчить последствия минувшей катастрофы и помочь противостоять будущей, если беде суждено когда-нибудь повториться.

Нет сомнения, что без длительной, тщательно продуманной помощи со стороны различных государств земного шара Африка между Нуакшотом и Асмарой не сможет восстановить силы, необходимые для дальнейшего самостоятельного существования. Первая помощь продовольствием сыграла свою роль. Однако этот благородный жест ничего по существу не решил. Необходимо пробудить и активизировать внутренние резервы Африки, снабдить людей современными орудиями, благодаря которым страны, охваченные голодом и смертью, стали бы меньше зависеть от капризов погоды, а через какое-то время, возможно, и добились бы экономической независимости. Уже сейчас некоторые факты внушают оптимизм: например, несмотря на все трудности, посевные площади с 1950 года увеличились на 35 процентов.

Чтобы помочь Африке, нужны не только деньги, нужны самоотверженные, терпеливые, не боящиеся трудностей люди. Голодающие страны переполнены советниками и всевозможными представителями иностранных государств. Эти люди, которые разъезжают в роскошных автомобилях и живут в фешенебельных виллах и отелях с кондиционерами, приезжают сюда, чтобы побыстрее разбогатеть. Но и молодых людей, не отгораживающих себя от местного населения и готовых на жертвы, становится здесь все больше. Я видел множество французских «добровольцев прогресса», которые самозабвенно работают в глухих, отдаленных африканских деревеньках, живут среди пастухов и земледельцев и учат их современным методам обработки земли и основам животноводства, организуют школы и центры

охраны здоровья. В странах Сахеля постоянно работает несколько тысяч молодых добровольцев, принадлежащих к 23 иностранным организациям.

Мало привезти плуг в малийскую или чадскую деревню — нужно самому за этим плугом походить, нужно засеять поле и дожидаться урожая. Первая лепешка из собранного инструктором зерна и съеденная вместе с жителями деревни может дать толчок к переменам в труде и в психологии местного населения.

На этом я заканчиваю наше необычное путешествие по Африке с ее сложными проблемами.

## ПРИМЕЧАНИЯ

---

<sup>1</sup> Французские войска окончательно выведены из страны в конце 1980 г., в 1983 г. вновь введены как помощь мятежным войскам Хиссена Хабре, опирающимся на силы международной реакции.— *Здесь и далее примеч. ред.*

<sup>2</sup> Нгарта Томбалбай был свергнут в результате государственного переворота 13 апреля 1975 г. Во главе государства встал бригадный генерал Феликс Маллум Нгакуту Бей-Нди, а с 1979 г.—Уэддей Гукуни. С 1982 г. законное правительство Чада ведет борьбу против мятежников во главе с Хиссеном Хабре.

<sup>3</sup> Партия Национальное движение за культурную и социальную революцию была создана в 1973 г. вместо распущенной Прогрессивной партии Чада.

<sup>4</sup> Фронт национального освобождения Чада (ФРОЛИНА) был создан в 1966 г. как подпольная партизанская организация.

<sup>5</sup> Автор имеет в виду Уганду во время правления генерала Иди Амин Дада, стоявшего у власти в 1971—1979 гг. С 1981 г. президентом страны стал Милтон Оботе.

<sup>6</sup> В этом году Томбалбай стал вице-президентом Верховного совета Французской Экваториальной Африки и главой комиссии по экономическим делам. В 1959 г. он — премьер-министр временного правительства и министр юстиции; в 1960 г. — глава государства, объединяющий в своих руках три министерских поста; с 1962 г. — президент независимой страны.

<sup>7</sup> Феликс Маллум стоял у власти до 1979 г. Потом его сменил Уэддей Гукуни, возглавивший переходное правительство Национального единства (см. примеч. 2).

<sup>8</sup> См. примеч. 1.

<sup>9</sup> Язык туарегов — тамашек — входит в берберскую группу языков африкской (семито-хамитской) языковой семьи.

<sup>10</sup> Сейни Кунче был сначала президентом Республики Нигер, затем председателем Высшего военного совета.

<sup>11</sup> С ноября 1975 г. — Народная Республика Бенин.

<sup>12</sup> В этот день в результате военного переворота было свергнуто правительство Амани Диори, Национальное собрание распущено, деятельность политических партий запрещена. Во главе правительства стал подполковник Сейни Кунче.

<sup>13</sup> Сангуле Ламизана пришел к власти в 1966 г. В течение ряда лет создавалось смешанное военно-гражданское управление страной. В феврале 1974 г. в обстановке экономического и политического кризиса был распущен парламент и создано новое правительство Национального возрождения, в котором ключевые посты заняли военные.

С 25 ноября 1980 г. страной правил Военный комитет возрождения за национальный прогресс во главе с полковником Сей Зербо,

е 7 ноября 1982 г.— Временный совет Народного спасения во главе с майором Жаном-Батистом Уэдраого, а с 4 августа 1983 г., после очередного переворота,— Национальный совет революции, возглавляемый капитаном Томасом Санкарой.

<sup>14</sup> Журнал «Жён Африк» («Молодая Африка») издается в Париже.

<sup>15</sup> Автор имеет в виду, что нерациональное использование пастбищ, их вытаптывание скотом приводят к быстрому опустыниванию.

<sup>16</sup> См. примеч. 13.

<sup>17</sup> Народ моти в средние века создал несколько раннеклассовых объединений. Крупнейшее из них — Уагадугу. Его столица, основанная в XV в., стала и столицей современного государства.

<sup>18</sup> М о р о - н а б а — титул верховного правителя государства Уагадугу.

<sup>19</sup> Территория Верхней Вольты в 1922 г. была разделена между соседними колониями. Большая часть ее отошла к Берегу Слоновой Кости.

<sup>20</sup> Г р и о т ы — общее название, данное европейцами группам хранителей устной традиции, музыкантов и рассказчиков, существовавших практически у всех народов Западной Африки.

<sup>21</sup> Полковник Муса Траоре стоит у власти с 1968 г. В июне 1974 г. на референдуме был одобрен проект новой конституции. Предполагалось, что в течение переходного периода будут созданы государственные органы и партия. Партия Демократический союз малийского народа находится в процессе создания. Пока всю полноту власти в стране сохраняет Военный комитет национального освобождения (ВКНО).

<sup>22</sup> В 1964 г. вожди некоторых племен туарегов пошли на вооруженный мятеж в ответ на усиление налоговой политики, контроля со стороны центрального правительства, перепись скота. Сопротивление было подавлено с помощью малийской армии.

<sup>23</sup> Автор необъективно следует за мнением западных журналистов. Трудности, испытываемые туарегами, вызваны особенностями кочевого хозяйства и природными бедствиями. Правительства всех стран, где живут туареги, в том числе и Мали, много делают для улучшения их жизни, пропаганды оседлости, уравнивания их с другими народами. В Мали, в частности, немало туарегов привлечено к административной деятельности, открываются школы и здравпункты.

<sup>24</sup> См. Послесловие к данной книге.

<sup>25</sup> Испанская, или Западная, Сахара — бывшая колония Испании. В 1976 г. одна часть Западной Сахары (Сегиет-эль-Хамра) была передана Марокко; другая (Рио-де-Оро) — Мавритании. С 1981 г. вся территория страны оккупирована Марокко. Эта незаконная политическая сделка не признается ни нашей страной, ни мировой общественностью. Народ этой страны ведет борьбу за самоопределение и независимость. 27 февраля 1976 г. ПОЛИСАРИО (Народный фронт освобождения Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро) провозгласил создание Сахарской Арабской Демократической Республики.

<sup>26</sup> Д ж а м а а — созданная испанцами в 1967 г. ассамблея, куда входили представители племенной верхушки.

<sup>27</sup> «Б о л ь ш о й м а р ш», известный также под названием «зеленый» и «мирный», состоялся в конце 1975 г., когда по призыву марокканского правителя Хасана II несколько сот тысяч марокканцев двинулись на территорию Испанской Сахары.

<sup>28</sup> В результате военного переворота 10 июля 1978 г. Моктар ульд Дадда был свергнут, Национальное собрание и Партия маври-

танского народа распущены. Власть перешла к Военному комитету национального спасения, во главе которого с 12 декабря 1984 г. стоит полковник Маауяа ульд Сиди Ахмед Тайа.

<sup>29</sup> Леопольд Седар Сенгор — поэт, известный общественный и политический деятель, президент Сенегала в 1960—1980 гг. С 1 января 1981 г. президент Сенегала — Абду Диуф, получивший 5 апреля 1983 г. общенародный мандат по результатам выборов.

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

---

Книга, как, вероятно, убедился читатель,— не научное исследование, не результат кропотливой кабинетной работы, а свидетельство неравнодушного очевидца. Автор, польский журналист, сам наблюдал то, о чем пишет. Он побывал почти во всех странах Сахеля, которые особенно пострадали от засухи 1967—1974 гг. Собеседниками его были люди, принадлежавшие к разным социальным слоям: президент страны и сборщик ракушек; сотрудник международной организации и сторож-туарег; осевший в Чаде французский буржуа и молодой сенегальский интеллигент. В описаниях увиденного и услышанного автором перед нами предстает картина подлинного народного бедствия, и мы ясно представляем сложность того положения, в каком находились эти страны в то время.

Государства, о которых идет речь в этой книге,— одни из самых слабо развитых в экономическом отношении в Африке. Они представляют собой аграрные регионы. Африканские народы имеют длительную, многовековую практику земледелия и скотоводства, однако до сих пор преобладает традиционная технология (мотыжное земледелие переложного типа); сохраняются низкая урожайность и низкая товарность скота. Все эти страны расположены в крайне неблагоприятных природных зонах. Регион Западной Африка делится на три климатические области. Северная, до 17-й параллели,— сахарская, где господствует пустыня, где температура воздуха поднимается до 50°, а почвы — до 70—80°, где выпадает, да и то нерегулярно, до 150 мм осадков в год. Между 17° и 15° с. ш. лежит сахельская область, где число годовых осадков приближается к 600 мм, но они выпадают в течение двух-четырех месяцев, а потом до конца года — сухой сезон. Ни в той, ни в другой зоне земледелие почти невозможно. Только южнее возделывают просо, сорго, кукурузу, местами — рис.

Во всех странах этого пояса пустыни и полупустыни занимают значительную часть территории (в Мали, Чаде — более половины, а Мавритании почти вся занята ими). Большинство населения здесь занимается кочевым скотоводством. Именно кочевники и пострадали главным образом от засухи. Можно согласиться с автором, что засуха — важнейшее событие в странах Сахеля и крупнейшее бедствие третьей четверти двадцатого века. Она началась в 1967 г., и до 1974 г. в большинстве районов этих стран не выпало ни капли дождя. Даже в лучшие, урожайные годы ни одна из них не могла обеспечить себя продовольствием, а в эти годы положение стало просто катастрофическим. Уровень грунтовых вод резко снизился; колодцы иссякли, травы высыхали, не успевая созреть; посевы выгорали. Начался падеж скота (Буркина Фасо, например, потеряла почти 25% поголовья, а Мали — почти половину), **сильный голод. Многие поки-**



нутые жителями земли ныне пустуют. Последствия засухи обострили и без того сложное внутреннее положение в этих странах, способствовали развитию экономических трудностей и политической нестабильности. В большинстве стран произошла смена власти.

В эти тяжелые годы на помощь африканцам пришли международные организации. Еще в 1963 г. на XII конференции ФАО была принята Мировая продовольственная программа (МПП), в рамках которой и осуществлялась помощь странам Сахеля, в основном в виде посылки продовольствия. Автор довольно много пишет о работе ее представителей в Африке. Правительства стран Сахеля и международные организации провели целый ряд мероприятий, которые должны облегчить последствия этой катастрофы. К сожалению, вне внимания автора оказались эффективные действия стран социалистического лагеря. Советский Союз и другие социалистические страны посылали в пострадавшие районы рис, детское питание, молоко, вакцину, палатки и т. п. Работали и работают там и советские врачи. Сейчас, когда сильнейшая засуха поразила Эфиопию, наша страна вместе с ГДР и ПНР оказывает помощь медикаментами, продовольствием, транспортом.

За годы, прошедшие после выхода в свет этой книги, сделано много, особенно в Мали и Буркина Фасо в рамках пятилетних планов. Улучшается ветеринарное обслуживание скота, проводится его вакцинация, в результате резко сократился падеж. Ремонтируются старые и роятся новые колодцы (в Мали — почти 400, в Буркина Фасо — около 600), много усилий прилагается для улучшения и обводнения пастбищ. В Мали строятся коллективные и государственные фермы, занимающиеся также и селекционной работой. Однако еще не один год последствия страшной засухи будут сказываться: специалисты считают, что для восстановления почвенного и растительного покрова в пострадавших районах потребуется не менее семи лет при условии, если будет выпадать нормальное количество осадков.

Автор не ограничивается только описанием картин бедствия. Он стремится в какой-то мере обобщить увиденное и в то же время конкретизировать, показать особенности той или иной страны, рассказать о прошлом и т. д. И здесь нельзя не заметить, что автор дает не всегда правильную оценку некоторым историческим событиям или наблюдаемым им явлениям. В частности, автор не совсем четко представляет, что ряд событий надо рассматривать не как особенность развития данной страны, а как проявление более общих закономерностей. Так, в обрядах йондо в Чаде он увидел лишь курьез. Между тем это вариант хорошо известных у многих народов мира инициаций. Последние знаменовали собой переход из разряда детей в разряд взрослых, полноправных членов общества. Для охотника и война воспитание стойкости к физической боли, выдержки, силы было необходимым условием выживания. В то же время посвящаемые приобщались к историческим знаниям народа, получали хозяйственные навыки, воспитывались в духе традиционных моральных и этических норм. Люди, иницируемые одновременно, составляли один из существенных элементов доклассовых обществ — возрастную группу. Переход в категорию «старших воинов», «старейшин» и т. д. также сопровождался особыми обрядами. Раннеклассовые объединения доколониальной Африки нередко использовали этот институт в интересах верхушки общества (так, возрастные группы несли полицейскую службу и т. п.). В Чаде мы видим пример спеку-

лятивного использования традиционного института правящей группой.

Ту же оговорку надо сделать и когда речь идет о движении Махди. Мессианство отнюдь не является привилегией Чада. Оно характерно для всех мусульманских стран. В прошлом многие социальные и освободительные движения принимали подобные формы. так, глава крупнейшего социального движения Западной Африки в начале прошлого века Осман дан Фоджо объявил своей официальной целью борьбу за чистоту ислама; широко известно махдистское движение в бывшем Англо-Египетском Судане (ныне Республика Судан) и т. д. Да и среди христианского населения континента нередко появляются пророки и мессии, создающие особые африкано-христианские секты. При политической незрелости масс, на докапиталистическом уровне развития, религиозная оболочка характерна для любых социальных или политических движений, начиная со средневековой Европы и кончая современными странами Востока.

Требуют уточнения те места в книге, которые посвящены далекому прошлому региона. В этой зоне издавна существовали раннеклассовые объединения, некоторые из них (например, Мали) включали в себя обширные области от Атлантического океана до оз. Чад. На территории Буркина Фасо возникло несколько раннеклассовых объединений. Крупнейшие из них — Уагадугу, Ятенга и Фадан-Гурма, бывшие форпостами традиционных религий против ислама. В IV—XI вв. на землях Южной Мавритании и Западного Мали существовало государство Гана (этническое ядро — народ сонинке); в XIII—XVI вв. — Мали (этническое ядро — малинке); Сонгаи (оно известно также под другим названием — Гао — по его столице, городу на берегу Нигера), самое могущественное и развитое в этом регионе, которое в период расцвета (II половина XVII в.) простиралось от устья р. Сенегал до городов хауса на севере современной Нигерии. На территории Мали в XVIII—XIX вв. существовали государства Масина народа фульбе, а также Сегу и Каарта (бамбара). По берегам оз. Чад были владения Канема-Борну. Хотя эти государственные объединения уже давно не существуют, нередко сохраняются династическая линия их верховных правителей. Пример этому — упоминающийся в книге верховный правитель моси — моро-наба, султаны Канема и Вараи. Представители бывшей традиционной верхушки в странах современной Африки, как и моро-наба, влились в правящую группу современного общества, часто занимают крупные посты, многие из них — богатые предприниматели и бизнесмены — занимаются политической деятельностью.

Привлекли внимание автора туареги. Этот кочевой народ, гордый и самобытный, живущий на границах с пустыней во многих странах Африки, действительно очень интересен. Туареги особенно сильно пострадали от засухи, их традиционное хозяйство за последние годы потерпело наибольший урон, частично разрушилось и продолжает разрушаться. Однако автор некритически относится к публикациям западных журналистов, обвиняя правительство во всех бедах, в частности в гибели многих туарегов.

Разрушение традиционного кочевого скотоводства связано с особенностями этого типа хозяйства, природными бедствиями, распространением товарных отношений и т. п. Правительства стран, где живут туареги (в том числе и Мали), много делают для улучшения условий их жизни, пропаганды оседлости, уравнивания туарегов в политических правах с другими народами. Открываются школы, здрав-

и ветеринарные пункты, в Мали немало туарегов привлечено к административной деятельности.

Обычно европейских журналистов — и автора тоже — поражает «матриархат» туарегов. На деле здесь мы видим явное преувеличение. У туарегов (как и у многих других народов Африки) женщина относительно свободна. Она имеет право собственности, нередко играет важную роль в общественной жизни своего народа, может занимать крупные должности в традиционном управлении, пользуется всеобщим уважением. Мусульманки Черной Африки не закрывали лица, не знали затворничества, свободно общались с посторонними, имели право развода. У многих народов и поныне счет родства и наследование имущества идут по материнской линии. Однако «матриархата» в значении «власти матерей» или «власти женщин», во всяком случае в исторически обозримом времени, у них не было.

Таковы те немногие пояснения, которые редакция сочла необходимым сделать.

*Э. С. Львова*

## СОДЕРЖАНИЕ

---

Предисловие к русскому изданию . . . . .	3
<b>Чад</b> . . . . .	5
Затерявшиеся в Чаде . . . . .	5
Спасители и спасаемые . . . . .	13
<b>Нигер</b> . . . . .	22
Засыплет ли их песок? . . . . .	22
Три беседы о катастрофе . . . . .	31
<b>Верхняя Вольта</b> . . . . .	38
Самаритяне и шакалы . . . . .	38
Акации на развалинах империи . . . . .	46
<b>Мали</b> . . . . .	52
Люди и мухи . . . . .	52
В Томбукту и других местах . . . . .	60
<b>Мавритания</b> . . . . .	67
Сахара убивает — нужно убить Сахару . . . . .	67
<b>Сенегал</b> . . . . .	76
Солнце светит по-иному . . . . .	76
Добавление к библейским сказаниям . . . . .	83
Примечания . . . . .	87
Послесловие (Э. С. Львова) . . . . .	90

**Ольгерд Будревич**

## **ЭТА ПРОКЛЯТАЯ ЗАСУХА**

*Утверждено к печати  
Редколлегией серии  
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*  
Младший редактор *М. В. Малькова*  
Художник *Л. С. Эрман*  
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*  
Технический редактор *Г. А. Никитина*  
Корректор *К. Н. Драгунова*

ИБ № 15299

Сдано в набор 10.05.84. Подписано к печати 26.12.84. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага типографская № 2. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,88. Усл. кр.-отг. 6,51. Уч.-изд. л. 5,98. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5208. Зак. № 340. Цена 60 к.

Главная редакция восточной литературы  
издательства «Наука»  
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»  
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ  
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

*готовится к изданию книга*

**История Ганы в новое и новейшее время. 23 л.**

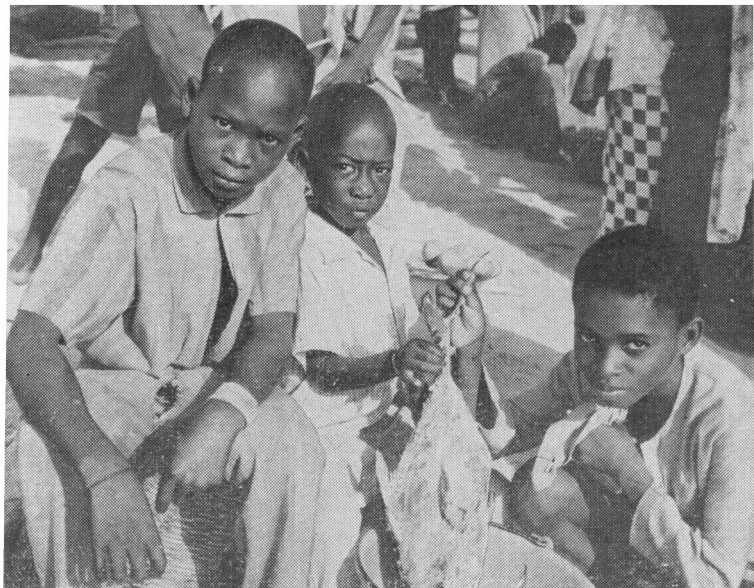
**Книга выходит в серии «История стран Африки», которую издает Институт Африки АН СССР.**

---

Первое в советской африканистике обобщающее исследование по истории Ганы. Показаны основные этапы исторического развития народов Ганы в новое и новейшее время, специфика и содержание каждого из этапов: становление, укрепление и постепенный распад колониального общества и формы британского господства. Особое внимание уделяется истории зарождения и развития национально-освободительного движения, приведшего к крушению колониального режима в Гане.

---

ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».



Когда есть рыба, голода нет

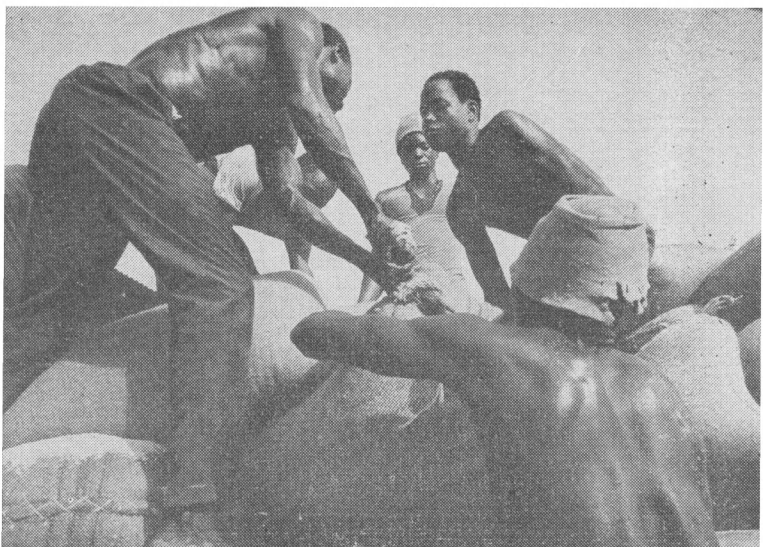


Земля  
в Африке  
перестала  
родить

Произведения  
сенегальского  
художника-  
любителя



Прибыло зерно  
от ФАО

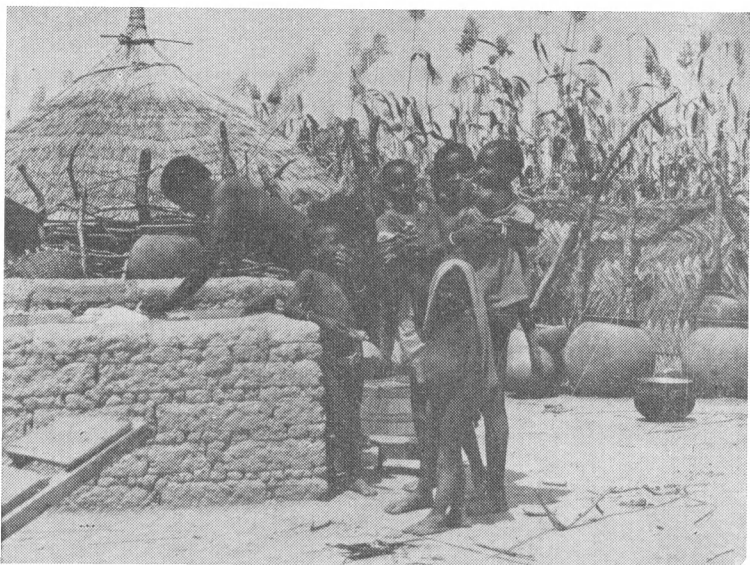


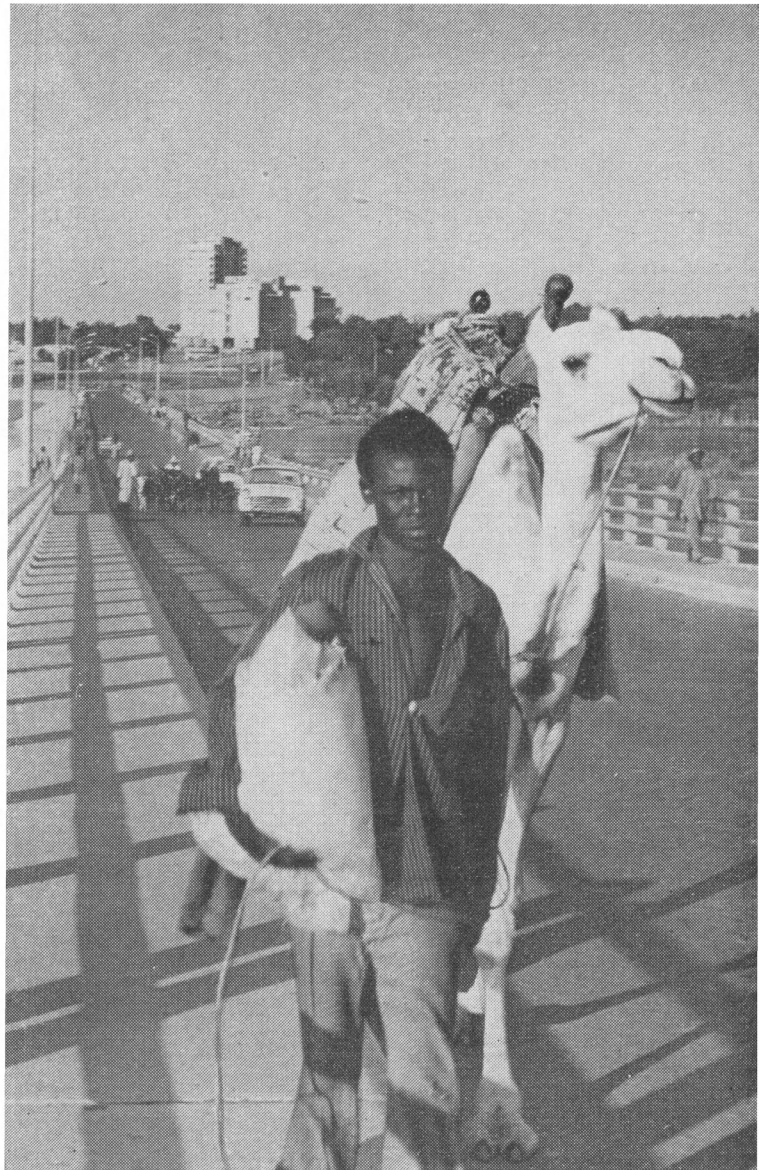




Массовое купание в реке Нигер

В крестьянском дворе (Мали)







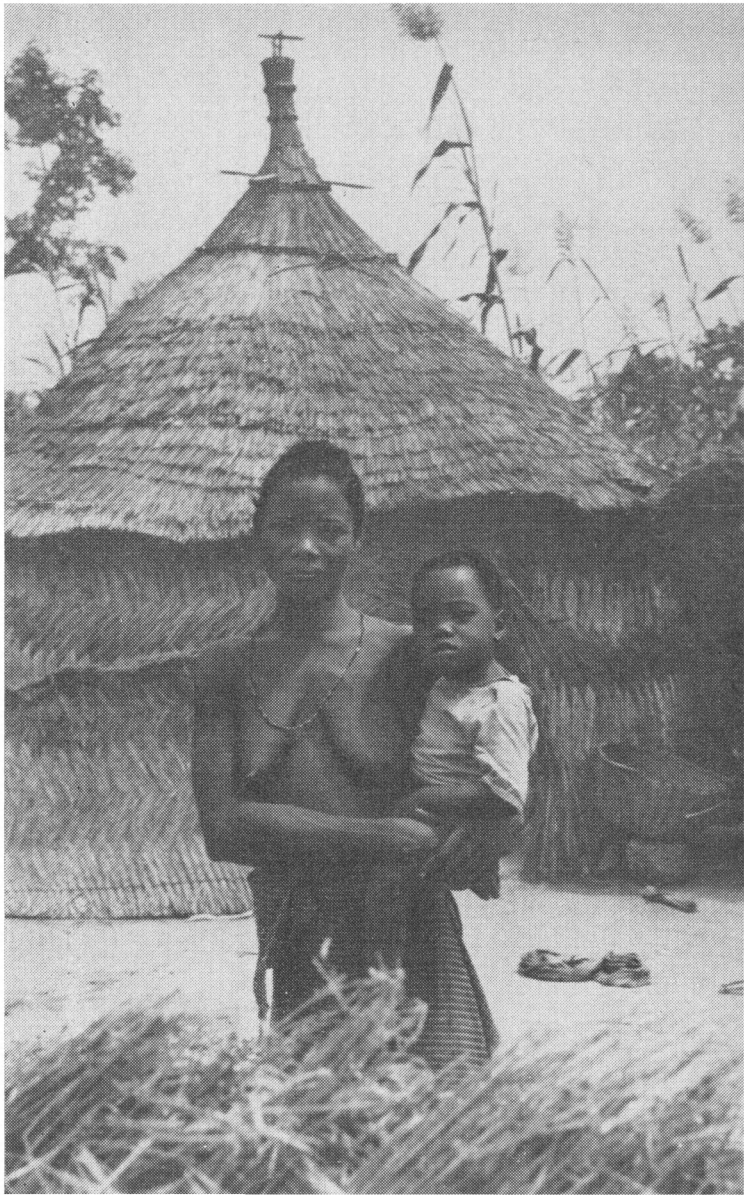
Всех нужно накормить



В Нуакшоте

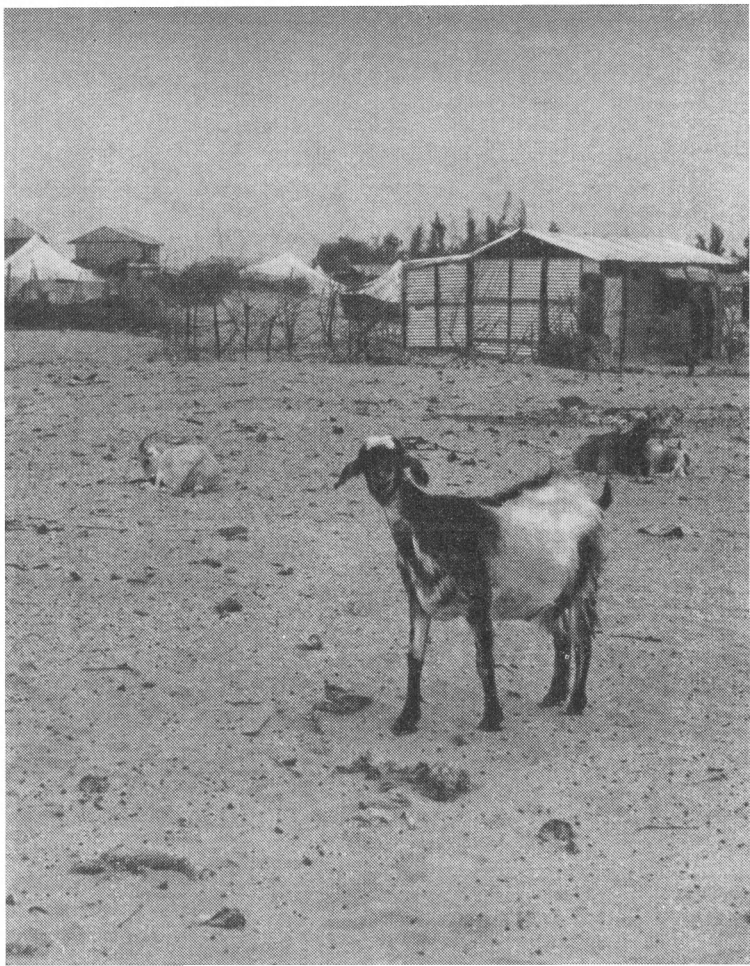
В лагере для беженцев



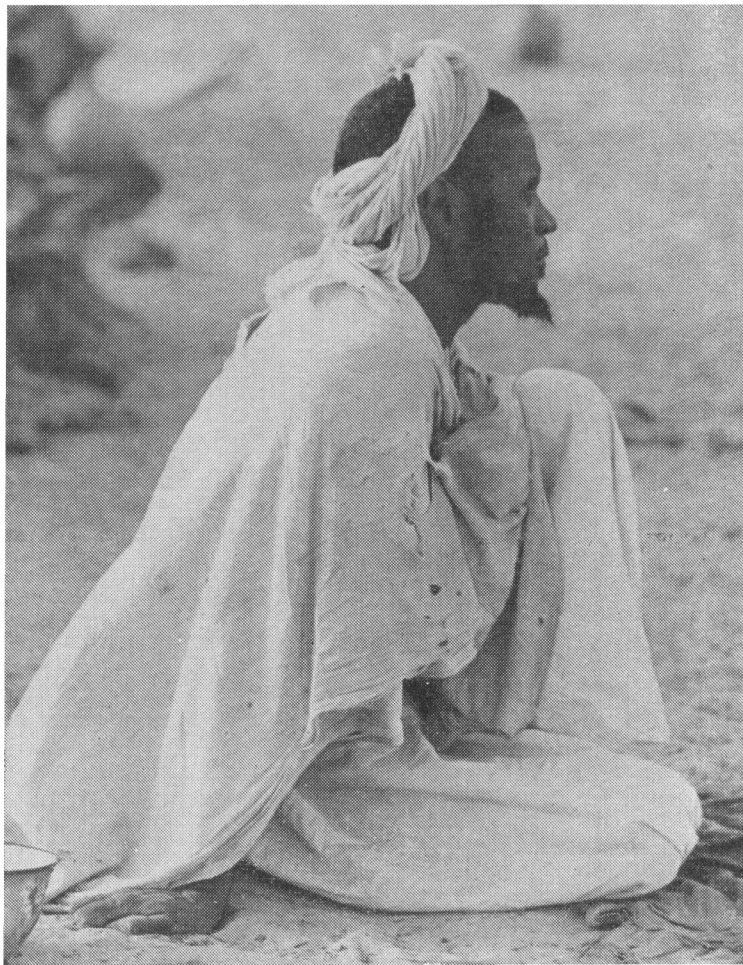


В деревне Верхней Вольты





С чего тут жить? (Мавритания)

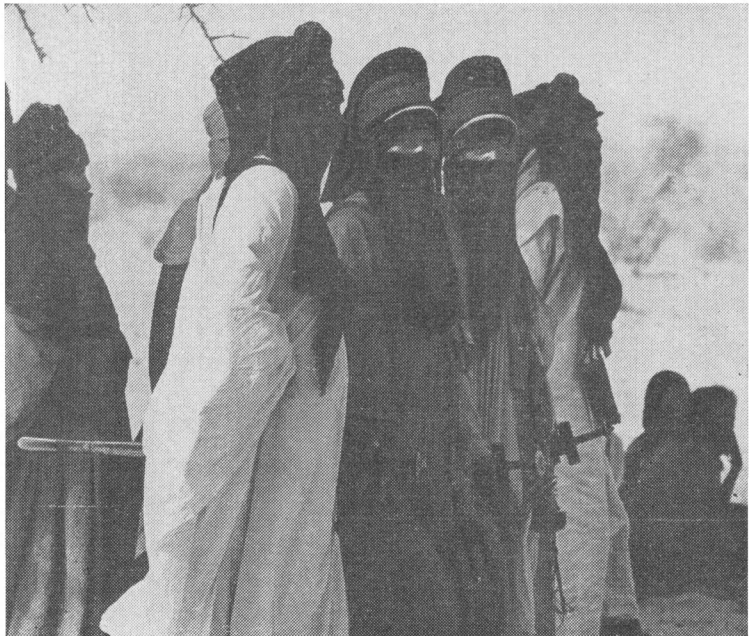


Сегодня в лагерь ничего не привезли



Будет вода?





В Марандетте (Нигер)

Центральный рынок в Бамако



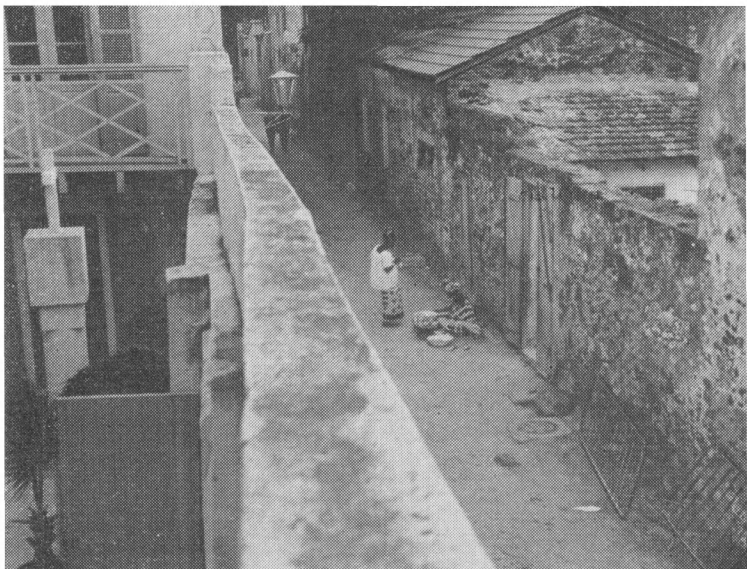


Уличный музыкант в Уагадугу



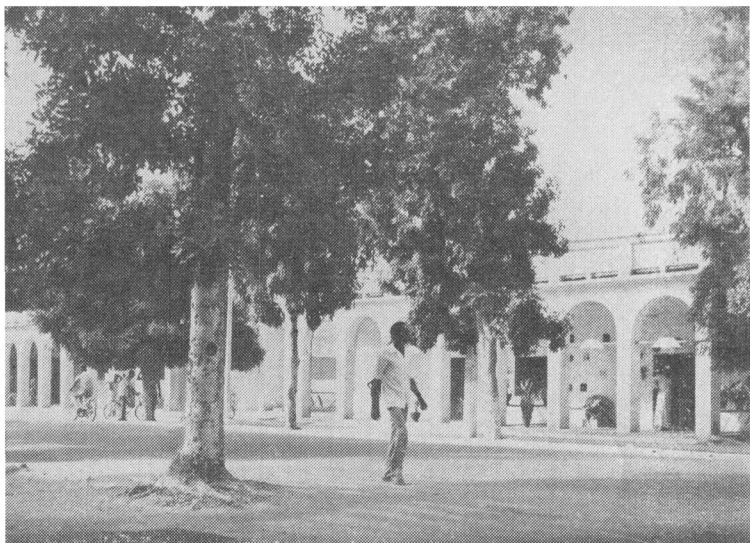
Туареги

На о-ве Горе





Гостиница в Дакаре

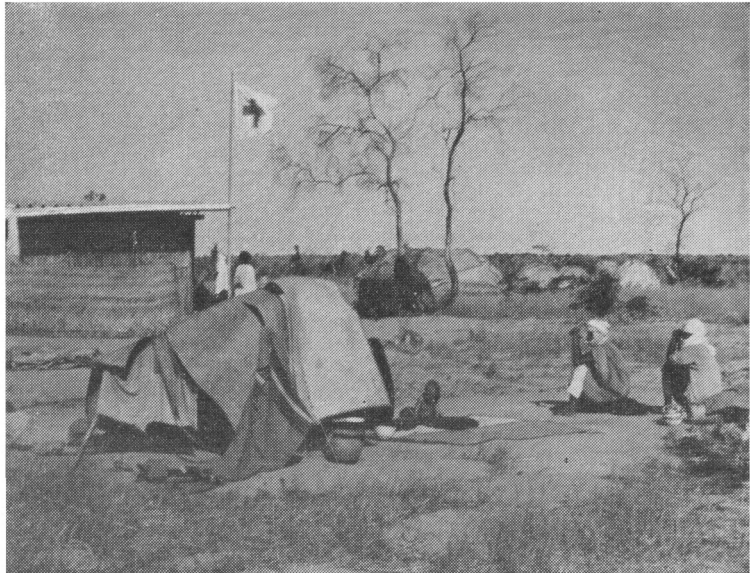


Нджамена

Рыбаки приплыли







Лагерь туарегов в Нигере

Беженцы из Мали в Верхней Вольте

